

Николай Чубрик

Ибн Фадлан.
Между Спицыным
и Авдусиным

Гомель

Гарь
2021

УДК 902
ББК 63.444
Ч81

Рецензент:
профессор кафедры истории славян и социальных
исторических дисциплин Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины,
доктор исторических наук *О.А. Макушников*

Чубрик, Н.А.

Ч81 Ибн Фадлан. Между Спицыным и Авдусиным / Николай Чубрик. –
Гомель: Барк, 2021. – 64 с.

ISBN 978-985-7213-51-1

Сочинение посвящено изучению спорных вопросов, связанных с путешествием арабско-го посольства в Восточную Европу, состоявшимся в начале X века. Основным источником исследования послужил путевой дневник его непосредственного участника – дипломата, писателя, географа и историка Ибн Фадлана, трудившегося при дворе багдадского халифа. Документ был создан в ходе путешествия арабов к правителю Булгара в 921–922 годах и вошёл в историческую традицию как «Записка» Ибн Фадлана.

Она является уникальным документом, отличающимся пространностью и относительно полной сохранностью и дающим в распоряжение современной науки ценнейшие сведения по географии Восточной Европы, быту и культуре народов, населявших её в раннем средневековье (турок, гуззов, башкир, печенегов и др.).

Повышенное внимание к «Записке» российских исследователей связано с тем, что события, описанные Ибн Фадланом, происходили преимущественно на территории современной России и её ближайших соседей. Немалая часть исторических фактов, донесённых трудом арабского путешественника, связана со славянами и русами.

Н.А. Чубрик ведёт поиск конечной точки маршрута арабских послов к правителю славян – загадочного Булгара, локализуя его в окрестностях современного Смоленска, на месте знаменитого своими древностями Гнёздовского археологического комплекса, в противовес тем исследователям, которые традиционно помещают Булгар на Волге, на месте одноимённого средневекового города. Он показывает неубедительность прочтения и локализации многочисленных гидронимов, упомянутых Ибн Фадланом по пути движения послов, мест расселения разных племён, не соглашается с вольной трактовкой части этнонимов, а также с произвольным переносом ранних этнических наименований на современные народы.

Книга носит дискуссионный характер.

УДК 902
ББК 63.444

ISBN 978-985-7213-51-1

© Чубрик Н.А., 2021
© Оформление. ОДО «Барк», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ходе археологических раскопок 1949 года была найдена знаменитая гнёздовская амфора-корчага с надписью. Она оказалась древнейшим русским текстом из всех существующих. Надпись на целое столетие старше известных науке и датируется началом X века. В своём отчёте руководитель экспедиции Д.А. Авдусин указывал:

«Находка русской надписи X века имеет чрезвычайно важное значение. Ни одна из известных русских надписей не восходила к X веку, и русскую письменность вели только с XI века. Теперь мы знаем, что русская письменность и грамотность существовали, по крайней мере, на столетие раньше – в первой четверти X века» [2, с. 322].

Но кроме столь важной надписи курган Л-13 оказался примечательным ещё по одной причине. Он очень был похож на описание захоронения знатного руса, сделанное в X веке Ибн Фадланом, арабским послом, по результатам его посольства к некоему царю славян и властителю Булгара, в так называемой «Записке». И там, и там было парное сожжение мужчины и женщины в лодье, и находки в кургане в деталях повторяли всё то, что записал древний арабский посол. Всё это было сразу отмечено самим Авдусиным:

«Обряд погребения в кургане №13 совпадает с описанием, сделанным Ибн-Фадланом: в гнёздовском кургане имеются даже кости птицы, даже памятник на вершине кургана» [2, с. 322–323].

Посольство Ибн Фадлана на Древнюю Русь состоялось в 922 году, и это тоже удивительно точно соответствует датировке кургана в Гнёздово. Ещё любопытнее оказалось то, что никаких парных сожжений в лодье за пределами Гнёздово археологами вообще не найдено. Казалось бы, первое, что должны были сделать исследователи, это отождествить два объекта, коль они совпадают во всех

деталей и хронологически. Ведь других подобных не существует и выбирать не из чего. Но все специалисты уверены, что посольство Ибн Фадлана приходило на Волгу, в Волжскую Булгарию, а Гнёздово ведь далеко на Днепре, рядом со Смоленском.

А ровно за полвека до находки Авдусина другой, не менее знаменитый археолог А.А. Спицын, будущий член-корреспондент АН СССР, опубликовал свою нашумевшую статью по тому же Фадлану. В ней он доказывал, что весь рассказ араба о том походе выдуман от начала до конца. И хотя Спицын известен как великий археолог, эту его статью если и упоминают, то с пояснениями, что она, конечно же, не заслуживает внимания. Уничтожающая критика обрушилась тогда сразу же – востоковед В.Г. Тизенгаузен высказался так:

«Конечно, каждый волен, сколько ему угодно, сомневаться в сообщениях автора „Записки“ и сокрушаться о „досадных для археолога и историка неточностях и умолчаниях“, но это ещё не даёт права безусловно отрицать его показания на основании одних только личных убеждений [...]. Попытки подобной критики не могут, конечно, иметь ни малейшего научного значения» [31, с. 029].

И хотя Спицын решительно не согласился с критикой, но остался в этом вопросе в гордом одиночестве. Ситуация, разумеется, была вполне ожидаема, но что же заставило уважаемого археолога ввязаться в столь невыгодную научную баталию? А всё дело в том, что годом ранее был подведён итог всем поискам в Поволжье археологических следов по Фадлану. Итог оказался удручающим, что и определило позицию учёного в той статье.

Иными словами, два именитых археолога высказались по одному и тому же вопросу с диаметрально противоположных позиций. Один исследовал местность, где якобы побывал Ибн Фадлан, никаких следов не нашёл и утверждает, что весь рассказ выдумка. Другой же поражается явным сходством находок с текстом того же араба, но в местности, достаточно удалённой от первой.

А через 9 лет после Авдусина ученик того же Спицына П.Н. Третьяков сделал ещё одну удивительную находку. На городище Тушемля, тоже неподалёку от Гнёздово, было найдено святилище, словно позаимствованное из того известного описания Ибн Фадлана. Ещё несколько аналогичных были найдены поблизости.

«Особенностью городища Тушемля [...] было находящееся в его пределах языческое святилище. Оно располагалось в конце „двора“, около стрелки городища, и представляло собой круглую утрамбованную площадку диаметром 6 м, по краю которой, по кругу, стояли деревянные столбы – вероятно, изображения божеств, – а в центре находился большой и массивный столб, изображавший главное божество. [...] Ближайшим аналогом святилищ в пределах городища является святилище, описанное в X в. Ибн Фадланом» [32, с. 276].

Однако и на этот раз никто из специалистов не стал выдвигать версию, что Фадлан побывал не на Волге, где не смог найти его Спицын, а на Днепре, где его следы увидели Авдусин с Третьяковым. Причина такой нерешительности в том, что днепровский след категорически не вписывался в концепцию, согласно которой арабы Днепра вообще не знали и посещать его никак не могли. Отказ от этого постулата разрушил бы очень многое, а свою задачу исследователи видели в том, чтобы данную позицию укреплять. Потому огромные усилия тратились лишь на заглаживание многочисленных противоречий вместо того, чтобы изначально строить выкладки в соответствии с реальными фактами.

Каждый очередной исследователь неизбежно попадал здесь в одну и ту же глубокую «чужую колею» без малейших шансов покинуть её. Иначе, чтобы остаться в научных рамках, ему пришлось бы взять на себя перекройку всей концепции, наработанной поколениями.

Ситуация существенно изменилась после того, как в работе «Theorema Inopinatum» [34] мною логически строго было доказано, что многочисленные арабские тексты хотя и по-разному, но весьма точно описывают одну и ту же местность, реально существующую в Приднепровье. То есть Днепр арабы всё же знали.

Путешествие Ибн Фадлана в ней тоже отчасти затрагивалось, но формат той статьи не позволил слишком сильно углубиться в детали. Восполнить этот пробел мы и попытаемся в данной работе.

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ «ЗАПИСКИ»

Первые сведения о походе арабского посольства к царю славян дошли до нас в пересказе другого арабского автора – Якута. Он не просто упоминал поход посольства Ибн Фадлана, но и приводил обширные цитаты из его «Записки», критически их оценивал и порой даже обвинял Фадлана во лжи и некомпетентности. Сведения были ценны тем, что там подробно описывались русы, с которыми Фадлан тоже встречался. И хотя было ясно сразу, что записка Фадлана в арабском мире была повсеместно известной, рукопись с самим текстом была найдена лишь в начале XX века. В ней недостаёт нескольких последних страниц, но тем не менее это бесценный документ.

Описываемые Фадланом события начинаются с того, что в Багдад прибыло письмо от некоего царя славян с просьбой прислать исламских проповедников и оказать помощь в постройке крепости для защиты от хазар-иудеев. Был снаряжён огромный караван из 5000 человек, 3000 лошадей и множества верблюдов, который и отправился к этим славянам. Посольство переждало зиму в Старом Ургенче и, как только Аму-Дарья освободилась ото льда, тронулось в путь на север.

«...мы отправились из аль-Джурджании в день понедельник по прошествии двух ночей (месяца) Ду-ль-ка'да триста девятого года и остановились в рабате, называемом Замджан [...] Потом мы отправились на другой день и остановились на остановке, называемой Хабаб. Нас настиг снег, так что верблюды ступали в нём по колена.

Итак, мы остановились на этой остановке на два дня, потом мы устремились в страну турок, не сворачивая ни перед чем, и никто нам не встретился в пустынной степи без единой горы.

Итак, мы ехали по ней десять дней, и нам встретились бедствия, трудности, сильный холод и последовательное выпадение снегов, при котором холод Хорезма был подобен дням лета. [...]

Потом мы прибыли после этого в одно место, в котором огромное количество дерева ат-таг. Я совлёк его вниз, развёл огонь (в караване, и они (спутники) согрелись, сняли свои одежды и подсушили их. Далее мы отправились и не переставая едем каждую ночь от полуночи до времени спуска солнца тотчас после полудня самой усиленной и напряжённой ездой, какая только бывает. Потом мы останавливаемся. Когда мы проехали пятнадцать дней, мы достигли большой горы с множеством камней, на которой источники, прорывающиеся при раскопке воды.

Когда мы пересекли их, (мы) прибыли к племени турок, известных под именем аль-Гуззия» [25, с. 59–60].

Караван прошёл Устюрт, где его поджидали свирепые морозы и сильный снегопад, и через 15 дней пути пришёл к каменистым горам, преодолев которые встретился с племенем воинственных гуззов. По словам автора, гуззы богатый, но недружелюбный кочевой народ с огромными стадами. Прежде чем пропустить караван, вожди племени долго спорили, не лучше ли этих гостей перебить и ограбить. После семи дней совещания караван всё же пропустили. Племя это встретилось посольству после того, как оно вошло в степную зону, покинув пустыни. Это следует из того, что у гуззов имеется пшеница, а также есть обычай казнить преступников, привязывая к специально наклонённым деревьям и разрывая их на части.

«И вот они кочевники; у них дома волосяные (из кошмы) и они (гуззы) останавливаются или уезжают. [...]

Они не знают блуда, но если относительно кого-либо они узнают какое-либо дело, то они разрывают его на две половины, а именно: они соединяют вместе промежуток веток двух деревьев, потом привязывают его к веткам и пускают оба дерева, и находящийся при выпрямлении их (деревьев) разрывается. [...]» [25, с. 60–65].

Миновав земли гуззов, караван пришёл к первой из перечисленных в тексте рек. Река достаточно широка, и путникам пришлось использовать плавсредства в виде надутых кожаных мешков, внутрь которых сложили одежды. Кроме того, вперёд пришлось отправить вооружённый отряд для защиты от набега башкир во время переправы. Всего за время пути Фадлан упоминает 23 реки. Начиная с реки Багнади, караван пересёк 8 больших рек, после чего оказался на берегу гигантской

реки Джайх, переправляясь через которую утонуло множество людей и животных. Автор утверждает, что такой огромной реки он никогда не видел. Затем караван преодолел ещё 14 рек и прибыл в ставку царя славян у каких-то трёх озёр и реки Атиль.

Из Старого Ургенча караван вышел 4 марта 922 года и прибыл в конечный пункт 12 мая того же года, на весь путь затратив ровно 70 дней. Кроме гуззов, автор вскользь упоминает племя башкир, набега которых опасаются на самой первой реке, весьма небогатых печенегов у гигантской реки Джайх и примечательное, довольно свирепое племя аль-Башгирд на середине пути между рекой Джайх и ставкой царя славян. Впрочем, никаких хлопот каравану это племя не доставило. Судя по тексту, караван всю дорогу двигался напряжённым темпом, тем более что в начале пути автор специально подчеркнул это. Единственная задержка была вызвана теми опасными гуззами.

Будучи в гостях у славян, Ибн Фадлан встречался с русами, прибывшими туда для торговли. Как и многие другие древние авторы, Ибн Фадлан отмечает их особенный внешний вид:

«И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни хафтанов [...]. Мечи их плоские, с бороздками, франкские. И от края ногтя (ногтей) кого-либо из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений (вещей, людей?) и тому подобного. А что касается каждой женщины из их числа, то на груди её прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или (из) меди, или (из) золота, в соответствии с (денежными) средствами её мужа и с количеством их» [25, с. 78].

Русы стройны и румяны, их тела покрыты художественными татуировками, в то время как сами славяне, по словам Фадлана, бледны и болезненны. Фадлан видел и подробно описал святилище русов и обряд приношения русскими купцами жертв богам.

«И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и (несёт) с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид, пока не подойдёт к высокой воткнутой деревяшке, у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг неё (куска дерева) маленькие изображения, а позади этих изображений

(стоят) высокие деревяшки, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему...» [25, с. 79].

Кроме этого, ему удалось присутствовать при захоронении одного знатного руса, и этот обряд он подробнейшим образом описал. Умершего сожгли в лодье вместе с одной из наложниц, которая добровольно согласилась умереть со своим господином. Вместе с ними сожгли двух коней, двух быков, собаку, петуха и курицу. Напоследок на месте костра русы насыпали курган и вкопали в него столб, на котором написали имя умершего и имя царя русов. Последние страницы рукописи, рассказывающие об обратном пути каравана, не сохранились, однако и то, что осталось, впечатляет.

Напомним, что речь идёт о временах великого киевского князя Игоря. И 10 лет ещё не прошло с того момента, как Вещий Олег погиб от укуса змеи, прятавшейся в черепе его любимого коня. Любая информация о Руси того времени бесценна.

ТРАКТОВКИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

В 1814 году датский ежемесячник «Athene» опубликовал статью Я. Расмуссена «О знакомстве и торговле арабов с Россией и Скандинавией в средние века». Именно она пробудила интерес исследователей к текстам Фадлана, которые на тот момент были доступны только в виде обширных цитат в «Географическом словаре» Якута начала XIII века. Всего пять лет прошло с момента смерти Шлёцера, одного из главных творцов норманской теории. Споры вокруг скандинавских корней Руси были в разгаре, потому на статью сразу обратили внимание специалисты. Первый капитальный труд по текстам Фадлана принадлежит академику Х. Френу. В 1822 году он издал на латыни работу о хазарах и башкирах по текстам Фадлана и других арабских авторов, через год на немецком языке – работу о русах в тех же источниках. В 1832 году выходит его работа о Волжской Булгарии и «Записке» того же Фадлана.

Работа Френа серьёзно укрепила позиции норманской теории. Её оппоненты так и не смогли предложить какую-то иную трактовку этого похода. Она стала стандартом на целое столетие. Академик В. Розен оценивал результаты работы Френа так:

«И так велико было обаяние Френа, настолько ошеломляющим оказалось впечатление, произведённое его, по-видимому, необъятной эрудицией и мощностью его анализа, что все те, которые были в состоянии по справедливости оценить величие совершённого им научного подвига, т. е. ориенталисты, как бы согласились признать результаты, добытые Френом относительно Ибн-Фадлана, окончательными и бесповоротными, и следовательно не подлежащими пересмотру. [...]

Мне кажется, что настала пора для ориенталистов спросить себя: неужели в 1902 г. нельзя ничего прибавить к тому, что сказал Френ в 1823 г.?» [26, с. 40–41].

Обряд сожжения в лодье хорошо известен в Скандинавии, а Фадлан именно так и описывал похороны знатного руса. Это прекрасно вписывалось в норманскую теорию, и она обрела в свидетельствах Фадлана ещё одну твёрдую опору. Оппоненты в свою очередь указывали на явно славянское святилище русов, совершенно не свойственное скандинавам. Не могли же скандинавские колонисты столь легко отказаться от своих богов, приняв верования местной челяди. Да и поведение воинственных викингов-грабителей на западе совершенно не похоже на поведение покладистых варягов-торговцев, обстоятельно обустроивающихся на востоке. Потому варягов предлагалось не смешивать с викингами. Те, мол, скандинавы, жгут и грабят по всей Европе и поклоняются своему Одину, а наши варяги, дескать, славяне, торгуют и строят, а поклоняются славянскому Перуну. А что обряд сожжения сходен, так у язычников так принято: воину в могилу меч кладут, чаще всего сломав его, женщине украшения, торговцу товары и деньги, а мореходу без корабля в загробном мире тоже никак нельзя. Знатный рус приплыл торговать на корабле, на корабле его и сжигают. Во время церемонии Фадлан разговаривал с одним из русов через своего переводчика. Из названных им спутников таковым мог быть только Барис ас-Саклаби, т. е. славянин. Это могло бы означать, что язык русов тоже славянский.

Но эти рассуждения легко парировались доводом, что цели у скандинавов на востоке и западе слишком разные, потому и поведение столь непохоже. Утверждалось, что сменить богов и манеру

поведения толерантные викинги могли запросто, а вот повторить чужой похоронный обряд славяне не могли ни при каких обстоятельствах. Эта точка зрения и возобладала. Правда, попытки сменить языческих богов на христианство те же толерантные скандинавы неоднократно пресекали изгнанием короля, посягнувшего на веру предков. Только в XIII веке удалось заставить их сменить веру. Но это детали, дома скандинавы могли быть более консервативны, чем в дальних краях.

Гораздо меньше споров вызвал сам маршрут каравана. Хотя Ибн Фадлан целых 15 раз повторил, что посольство прибыло к царю славян, но в эпизоде с молитвой царь дважды был назван повелителем Булгара. Это было воспринято как визит в Волжскую Булгарию, где хоть и позже, во времена Золотой Орды, находился известный город Булгар. Рекой Атиль в этом случае оказывалась Волга, а её некоторые народы и поныне называют Атал. Никаких славян там быть в то время не могло, а в качестве русов наверняка выступали скандинавы.

То, что Фадлан так упорно именовал жителей Волжской Булгарии славянами, конечно же смущало, но объяснения этому быстро нашлись. Одно из них утверждает, что арабы придумали термин «ас-сакалиба» ещё до появления славянского народа, поэтому название это применялось ко всем северным народам без разбору. Только потом, когда славяне стали заметной силой, термин этот закрепился уже за ними конкретно. Потому у Фадлана и путаница, славянами он именуется булгар, а это те, кого сегодня называют татарами. Никакие они, конечно же, не славяне. Другая точка зрения говорит, что арабы с терминологией определились изначально, да вот болгарский царь сам ввёл их в заблуждение, соврав в письме, что является повелителем ещё и славян. Он просто набивал себе цену, рассчитывая выторговать помощь в строительстве крепости. Ибн Фадлан подвох попросту не заметил, даже несмотря на то, что общался с царём через своего славянского переводчика Бариса ас-Саклаби. Трудно сказать, что в этой версии так подкупало исследователей, но её приняли многие. Надо же было как-то объяснить славян в Волжской Булгарии. Непросто оказалось объяснить и наличие русов на Волге во времена князя Игоря, однако замена их на

вездесущих скандинавов вполне решала проблему. Наконец, по ещё одной точке зрения предлагалось считать славянами Ибн Фадлана уцелевших представителей местной именьковской археологической культуры, славянская принадлежность которой остаётся спорной.

В конечном итоге анализ этой стороны текста специалистами свёлся к тому, что славян в нём нужно заменить на болгар, подразумевая под ними сегодняшних татар, ну а русов заменить на скандинавов. Этот результат и был принят за основу. В современных работах такую замену иногда делают сразу же при переводе с арабского.

Маршрут посольства исследователям рисовался приблизительно так (рис. 1). Из Багдада посольство прибыло в Бухару, затем в Старый Ургенч, откуда весной двинулось в путь на север. Караван прошёл между Аральским и Каспийским морями по плато Устюрт, форсировал ряд небольших рек и затем оказался у реки Урал. Река в то время разлилась от таяния снегов, и при переправе через неё утонули многие люди и верблюды. Ибн Фадлан описывает её как гигантскую реку Джайх, равной которой он никогда не видел. Это название вполне перекликается с её прежним именем Яик, так что отождествление вполне надёжно. Далее посольство пересекает ещё 14 рек, притоков Волги, и прибывает в ставку царя у каких-то трёх озёр. Такой объект действительно имеется недалеко от слияния Волги с Камой, это посёлок Три Озера, в котором и впрямь расположились сразу три небольших водоёма. От него до древнего Булгара менее 10 километров на север (рис. 2).

А на таком же расстоянии юго-западнее находится посёлок Балымеры, где есть группа древних курганов. В одном из них, пожалуй, и захоронен тот знатный рус, о котором писал Фадлан. Казалось бы, всё сходится и ничто не вызывает особых сомнений. Вот только со славянами как-то не очень складно получается.

О походе Фадлана судили лишь по обширным цитатам в «Словаре» Якута, пока в Иране не был наконец обнаружен востоковедом Зеки Валиди Тоганом текст самого Ибн Фадлана. Случилось это в 1923 году, а в конце 1930-х гг. фотокопия документа была передана правительством Ирана в дар Академии наук СССР. Уже в 1939 году появился немецкий перевод текста, выполненный

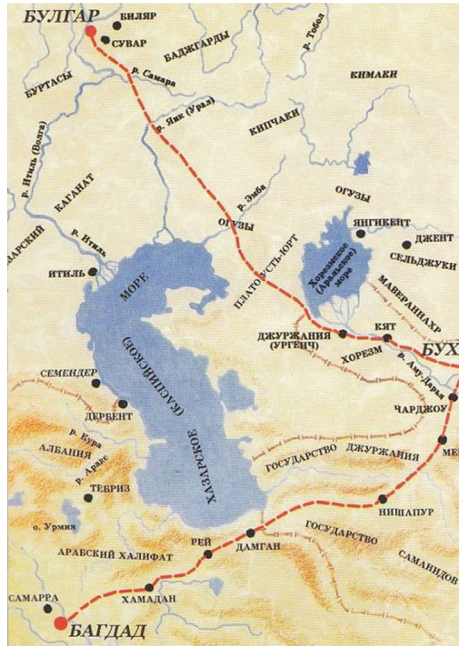

Рис. 1. Хрестоматийный вариант маршрута

Рис. 2. Спасск-Татарский в роли Булгара

З.В. Тоганом, и одновременно русский перевод А.П. Ковалевского [25], вышедший тогда под редакцией академика И.Ю. Крачковского. Второе издание перевода Ковалевского было посвящено памяти Крачковского и вышло в 1956 году [15].

Два издания русского перевода существенно отличаются друг от друга тем, что в первом всё внимание автора направлено исключительно на точность и полноту перевода. Каждое неоднозначно читаемое слово сопровождается комментариями, которых оказалось почти втрое больше самого текста. Особо можно отметить то, что в приложении приводится и сам арабский текст, переданный правительством Ирана. Второе же издание основное внимание уделяет трактовкам, реконструкции маршрута и устранению множества неприятных расхождений трактовок с текстом источника.

Таких расхождений оказалось немало. Ибн Фадлан упорно называл подданных царя славянами, а трактовали их как волжских болгар. Автор перечислял реки на пути каравана, и среди них была некая гигантская река, равной которой он никогда не встречал, а на пути в Волжскую Булгарию крупных рек вообще нет. Автор указывал даты начала пути и прибытия, и сам же подсчитал, что в пути караван был ровно 70 дней, а расстояние до Волжской Булгарии явно маловато для такого перехода. Наконец, он описал встреченные народы, но попытка их расположения на пути в Волжскую Булгарию приводит к очевидному абсурду. Поскольку о пересмотре самого маршрута не могло быть и речи, то задача виделась в том, чтобы изменить прочтение неудобных мест либо найти им более подходящую трактовку.

РЕКИ

На пути из Джурджании в Булгар каравану пришлось преодолеть 23 реки. Практически все они упомянуты только единожды и с общей характеристикой «это всё большие реки». Лишь река Атил не раз встречается в изложении событий. Усилиями Ковалевского все они были уверенно «опознаны».

«Мы отправились, пока не достигли реки Багнади. Люди вытаскивали свои дорожные мешки, а они из кож верблюдов. Они рас-

стелили их и взяли самок турецких верблюдов, так как они круглы, и поместили их в их пустоту (углубление), пока они (мешки) не растянутся. Потом они наложили их одеждой и (домашними) вещами, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок села группа (человек) в пять, шесть, четыре, – меньше или больше. Они взяли в руки деревянные из хаданга (белого тополя) и держали их, как вёсла, непрерывно ударяя, а вода несла их дорожные мешки, и они (мешки) вертелись, пока они не переправились. А что касается лошадей и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь. Необходимо, чтобы переправился отряд бойцов, имеющих при себе оружие, прежде чем переправится что-либо из каравана. Они – авангард для людей, (следующих) за ними, (для защиты) от башкир, (на случай) чтобы они (т. е. башкиры) не захватили их, когда они будут переправляться. Итак, мы переправились через Багнади способом, описание которого мы сообщили. Потом мы переправились после этого через реку, называемую Джам, также в дорожных мешках, потом мы переправились через Джахаш, потом Адал, потом Ардан, потом Вариш, потом Ахти, потом Вабна, а это всё большие реки. Потом мы прибыли после этого к печенегам, и вот они остановились у воды похожей на море, не текущей [...]

Мы оставались у печенегов один день, потом отправились и остановились у реки Джайх (Хайдж), а это самая большая река, какую мы видели, самая огромная и с самым сильным течением. И действительно, я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней, и те, кто был в ней, потонули, и люди (мужи) погибли во множестве, и потонуло (значительное) количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через неё только с трудом. Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха, потом после неё через реку Азхан, потом через Баджа; потом через Самур, потом через Кабал, потом через реку Сух, потом через реку Ка(н)джалу, и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд. [...]

...итак, мы отправились из страны этих (людей) и переправились через реку Джарамсан, потом через реку Уран, потом через реку Урам, потом через реку Ба(б)а(н)адж, потом через реку Вати, потом через реку Банасна, потом через реку Джавашин. Расстояние от (одной) реки до (другой) реки, о которых мы упомянули, – два

дня, или три или четыре, менее этого или более. Когда же мы были от царя славян, к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, то он послал для нашей встречи четырёх царей, находящихся под его властью...» [25, с. 65–67].

Итак, в «Записке» рассказывается, что караван прошёл пустынное плато, затем преодолел горы, после чего попал в земли богатых, но весьма недружелюбных гуззов, где вынужден был задержаться на целую неделю. Покинув их земли, караван вышел к первой из названных рек, на другом берегу которой могут прятаться промышляющие грабежом башкиры. Судя по описанию, это достаточно широкая и глубокая река, поскольку верблюды не могут её просто перейти, а для защиты от грабителей первым переправляется вооружённый авангард, что на небольшой реке было бы совершенно ни к чему.

Далее без всяких подробностей перечисляются семь рек, после чего караван приходит к печенегам у огромной реки Джайх. Это самая крупная река из всех встреченных на пути. Переправа через неё привела к гибели большого количества людей и животных. Далее снова перечисляются семь рек без описания, затем караван встречается с кровожадным племенем аль-Башгирд, далее перечисляются ещё семь рек, и караван достигает цели. Царь славян и его народ находятся недалеко от большой реки Атиль. Конечная точка маршрута привязана к неким озёрам, возле которых пребывала в тот момент ставка царя.

Переводчик даёт обширнейшие комментарии по поводу прочтения и отождествления всех этих рек. Первую из них он считает рекой Чаган (Шаган). Исходя из этого, он готов даже изменить прочтение арабского названия с Багнади на Яганды. Качество текста это вполне допускает, а соответствие Яганды и Чаган гораздо лучше, чем в случае с Багнади. Следующей рекой оказывается Эмба, и это тоже близко к Джам, поскольку у казахов она и называется Жем. Следующие четыре реки он не отождествляет, считая, что это разлившиеся весной малые речушки между Эмбой и Уралом. Конечной же точкой маршрута он указывает посёлок с подходящим названием Три Озера. Результат всей реконструкции был проиллюстрирован картами со всеми деталями маршрута (рис. 3, 4).

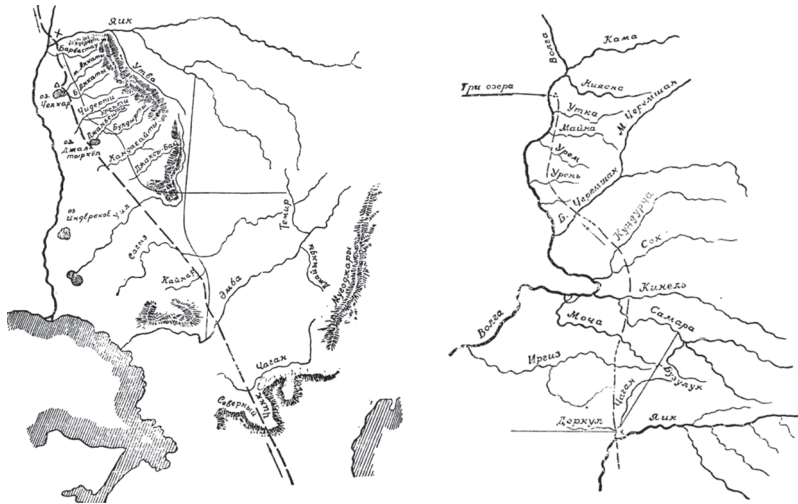

Рис. 3, 4. Маршрут Ибн Фадлана по А.П. Ковалевскому

Ковалевский подробно изложил и метод построения, и его результаты:

«Дальнейшее описание путешествия через страну огузов, башкир и болгар содержит упоминания двадцати трёх рек, одного озера и группы трёх озёр. Отдельные попытки отождествления некоторых из этих названий были произведены мною ещё в работе „Путешествие Ибн-Фадлана“. Такой бессистемный подход не мог дать сколько-нибудь надёжных результатов.

В дальнейшей работе это отождествление проведено систематически методом своего рода интерполяции, т. е. определения сомнительных названий между более или менее несомненными. Получился следующий ряд названий рек и озёр, расположенных в порядке их географической последовательности с юго-востока на северо-запад: 1) Чаган (река у подножья Северного Чинка); 2) Эмба; 3) Сагыз; 4) Уил; 5) Кандагайты (?); 6) Уленти (?); 7) Большая (Южная) Анкаты; 8) Малая (северная) Анкаты. – Озеро Челкар (на северном его берегу ставка печенегов); 9) Яик (река Урал); 10) Чаган (правый приток Яика ниже г. Уральска); 11) Иргиз; 12) Моча; 13) Самара; 14) Кинель; 15) Сок; 16) Кундурча; 17) Большой Черемшан; 18) Урень; 19) Урем; 20) Майна; 21) Утка – „Три

Озера“ (ныне Чистое, Курышевское, Атманское, около которых была ставка царя булгар); 22) Нияна; 23) „Джавшыр“ (маленькая речка дальше на север, ещё окончательно не определённая).

Из этих географических названий, кроме последнего, сомнения вызывают две реки в нынешнем Западном Казахстане, между Уилом и Большой Анкаты. На этом пространстве протекают шесть рек, а у Ибн Фадлана упомянуты две. Но можно предполагать, что тут посольство проехало несколько западнее новейшего тракта, причём путешественники, переправляясь ниже слияния между собой некоторых рек, стремились этим путём уменьшить число переправ, так как было весеннее время и реки были в разливе» [15, с. 97].

Предлагаемый метод выглядит вполне логично. Находятся некие твёрдые ориентиры, сомнения не вызывающие, затем по ним ищется соответствие для остальных. Отождествление ведётся исходя из последовательности их перечисления и лингвистического сходства, достижимого при прочтении арабских названий.

Главные ориентиры – это плато Устюрт, горы, реки Чаган и Эмба, река Урал, как самая крупная на пути, река Атил и те три озера, где находилась ставка царя. Все остальные детали уже не столь существенны. Рекой Атил всеми признаётся комбинация из рек Белая, Кама, Волга. В месте слияния Камы и Волги полноводнее, дескать, Кама, потому арабы считали её руслом основной реки. Точно так же и реку Белая принимали за начало Камы. Это следует из описаний русла реки у разных арабских авторов. Кстати, из всех названных Фадланом рек только Атил и встречается у других арабов, остальные никем больше не упомянуты.

Метод Ковалевского дал просто потрясающие результаты. Найдены практически все реки и озёра. Названия рек в древнем тексте совпали с сегодняшними почти дословно. И это при том, что арабские географы этих рек не знают вовсе, а если и упоминают, то под весьма диковинными названиями. К примеру, в Худуд аль-Алам река Яик названа не Джайх, а Рас. Из всех восточных притоков Волги там названа лишь река Артуш, которую обычно признают Иртышом, и автор указывал, что реки Итиль и Артуш начинаются на одной горе, а реально между истоками Иртыша и Белой две тысячи километров. Да и не впадает Иртыш в Волгу. «Записка» Фадлана

была очень популярна в арабском мире, и упоминают её многие. А Худуд аль-Алам написан лет на 50 позже, однако большинства названных Фадланом рек он не знает, а те, что знает, называет совсем иначе. Ибн Хаукаль побывал в тех же местах, что и Фадлан, через 40 лет после него, но никаких здешних рек не называет вовсе. Аль-Гарнати гостил у болгар через два столетия после Фадлана, но лишь вскользь упомянул некую «славянскую реку», которую по сей день отождествить надёжно не могут. Якут в своём «Словаре» подробнейшим образом цитирует Фадлана, нередко его критикует, но названные Фадланом реки просто игнорирует.

Откуда у Фадлана появились столь выдающиеся познания в географии, и почему же они не стали достоянием арабских географов? Быть может потому, что все эти великолепные совпадения являются заслугой не Фадлана, а профессора Ковалевского и его результативного метода?

Присмотримся внимательнее к твёрдым ориентирам и лингвистическим построениям этого автора. Обратим внимание на ту страшную реку Джайх, где потонуло много людей и животных. Равной ей, как указывалось, Фадлан никогда не видел. Как показано на карте реконструкции Ковалевского, караван переправлялся через неё неподалёку от современного города Уральск. В это время река широко разлилась от весеннего паводка и представляла собой непростую водную преграду. Для оценки надёжности этого ориентира было бы разумно посмотреть на разлив весеннего Урала вблизи города Уральск сегодня. Такие снимки можно в изобилии найти в электронной сети (рис. 5, 6).

Рис. 5, 6. Разлив Урала в середине апреля возле города Уральск

Благодаря ей мы можем даже увидеть в движении реальный ледоход возле Уральска [18, 19]. Переплыть реку в этот момент на надувной лодке или плоту не составило бы особой проблемы даже для старшеклассника. Надувная лодка, конечно же, удобнее надувных мешков арабов, но разница всё же не принципиальна. Но, может, река за прошедшее тысячелетие обмелела, а раньше была и шире, и полноводнее? Такую возможность тоже придётся отбросить, поскольку пойма реки практически заполнена, а дальнейший разлив попросту затопит лес и поля, где глубина воды будет совсем ничтожной.

Как видим, этот «твёрдый» ориентир вызывает весьма серьёзные сомнения. Он сам держится лишь на одном простом аргументе – на пути в Спасск-Татарский рек больше Урала попросту нет. А то, что караван шёл именно туда, сомнению никем не подвергается.

ТРИ ОЗЕРА – КОНЕЧНАЯ ТОЧКА ПУТИ

Рис. 7, 8. Вид на три озера

Ещё одна наиважнейшая точка для опоры в «гибкой интерполяции» названий – это конечный пункт маршрута, те три озера, у которых расположена ставка царя славян. Если в переводе 1939 года никаких предположений по этому поводу не делается, то в работе 1956 года безо всяких колебаний поясняется, что речь идёт о посёлке Три Озера, в котором реально находятся озёра Атманское, Чистое и Курышевское. Выстраивая маршрут посольства, Ковалевский наносит эти озёра на карту, и мы её привели ранее. Совпадение

с текстом Фадлана практически абсолютное – от древнего Булгара в восьми километрах, до берега Волги чуть меньше, а это приблизительно фарсах и есть. Лучше и представить невозможно. Как же можно после этого усомниться в волжском маршруте! Ведь сам Фадлан предельно чётко описал это место:

«Когда мы прибыли к царю, мы нашли его остановившимся на так называемой Халджа, а это три озера, из которых два больших, а одно маленькое. Но только среди всех них (озёр) нет ни одного, дно которого было бы достижимо. Между этим местом и между их огромной рекой, текущей в страну Хазар, называемой рекой Атиль, (расстояние) около фарсаха. И на этой реке (находится) место рынка, который бывает во всякое время, и на нём продаётся много полезного товара» [25, с. 75].

Вот так это место выглядит реально: см. рис. 7, 8.

С учётом важности этого ориентира уделим ему всё же несколько больше внимания. Тем более, что река Джайх опорой оказалась ненадёжной. Поначалу обратим внимание на мелкие детали, совпадают ли они. Согласно тексту, речь идёт о двух больших и одном малом озере, и все три из них достаточно глубоки. Однако предлагаемые нам озёра практически равновеликие, да и глубина у них небольшая. У Курышевского озера она составляет всего 1,3 метра, Атманское совсем мелкое, меньше метра, только Чистое глубже роста человека. Может, они обмелели за прошедшие 11 веков? Увы, нет, расстояния между кромкой воды озёр составляют 200–300 метров, куда уж тут расти. С глубиной и размерами совпадения не получается, поэтому есть смысл внимательно присмотреться к другим деталям и документам.

Обычно указывается, что село с этими озёрами принадлежало помещикам Молоствовым, и даже называется некая грамота Петра I с упоминанием тех озёр, правда, саму грамоту почему-то не приводят. Мы можем узнать, что в дореволюционные времена село называлось не Три Озера, а Рождественское. Названия же самих озёр – Атманское, Чистое и Курышевское – впервые зафиксированы лишь в «Списке населённых мест Казанской губернии» за 1859 год. Но можно встретить ещё и опровержение неких нелепых слухов, что, мол, озёра эти рукотворные. Чаще всего встречается такой вариант:

«Главной достопримечательностью села во все времена были озёра. Их исторические названия зафиксированы в „Списке населённых мест Казанской губернии“ за 1859 г. – Атаманское, Чистое и Курьшевское. В советские времена озёра стали именоваться Атаманское, Чистое и Безымянное – сначала в просторечии, а затем и в официальных документах. В 1978 году все три озера были объявлены памятниками природы Республики Татарстан и внесены в кадастр особо охраняемых природных территорий. В материалах состоявшейся в 2009 году в Камском Устье всероссийской спелеологической конференции отмечено, что три глубоких озера, описанные в 10 веке арабским путешественником Ахмедом ибн-Фадланом, имеют карстовое происхождение. Это означает, что котловина озера образуется в результате размывания горных пород одновременно поверхностными и подземными водами. Участники конференции подчеркнули также, что это первое письменное упоминание карстовых явлений на территории России. Однако в некоторых источниках встречается ошибочная версия искусственного происхождения этих озёр. Она могла возникнуть потому, что помещики Молоствовы не раз расширяли границы озёр, используя для этого ручной труд своих крестьян, и в некоторых архивных документах остались сведения, что озёра копаные. Но питаются они за счёт атмосферных осадков, грунтовых и подземных вод» [20].

Что же, посмотрим, что там за слухи и на чём они основаны фактически. Заглянем в такой источник, как «Историко-культурный атлас Спасского района Республики Татарстан» [12], и с удивлением увидим, что для всех трёх озёр указывается их искусственное (копаное) происхождение. Можно ли этому верить, если в материалах вышеназванной спелеологической конференции отмечено совсем другое? Поэтому обратимся к более авторитетному источнику, в атласе ведь и напутать могут. Посмотрим такой документ, как «Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 24 июля 2009 г. №520 „Об утверждении Государственного реестра особо охраняемых природных территорий в Республике Татарстан и внесении изменений в отдельные постановления Кабинета Министров Республики Татарстан по вопросам особо охраняемых природных территорий“ (с изменениями на 21.05.2018)», подписанное премьер-министром Республики Татарстан Р.Н. Миннихановым.

Озеро Чистое [148]

Статус
Учредительные документы

Местоположение
Контролирующий
государственный орган
исполнительной власти

Памятник природы регионального значения
Постановление СМ ТАССР от 10 января 1978 г. N 25
Постановление КМ РТ от 29 декабря 2005 г. N 644
Спасский район РТ, в с. Три Озера
Администрация ГПКЗ "Спасский" Государственного
комитета Республики Татарстан по биологическим
ресурсам

Характеристика объекта и его значение. Водораздельное озеро, круглой формы, искусственное, копаное.

Площадь озера 13,21 га, длина 640 м, максимальная ширина 380 м, средняя глубина около 1,5 м, максимальная – 4 м, объём около 220 тыс. м³.

Питание поступает из водоносных горизонтов, вскрытых при его сооружении. Вода слабой минерализации (160 мг/л), очень мягкая (<2 ммоль/л), мутная, прозрачность 40 см, жёлтого цвета, без запаха. Химический тип воды гидрокарбонатно-кальциевый. Озеро сооружалось как дополнительный источник хозяйственно-бытового водоснабжения. К восточной стороне озера примыкает маслозавод. рН 8,0. ХПК 22,2 мгО/л.

ДО профундали – серые илы. Литорали – илистые пески. ОВ 7,3%. Рвал 0,58%. Норг 0,04%.

Используется для водоснабжения, купания и полива.

Меры охраны. Соблюдение режима охраны территории памятника природы, а также режима использования водоохраных зон в установленном законом порядке.

Рис. 9. В Госреестре озёра числятся искусственными

И что же мы видим в официальном документе? – копаные эти озёра, все три (рис. 9). Получается, что это вовсе не слухи и не ошибочная версия, а как раз официальный статус объекта – рукотворные, копаные. А вот теперь вспомним, что весь шум вокруг прихода

посольства Ибн Фадлана в Волжскую Булгарию поднялся после работ Френа в 1832 году, а три озера во владениях местного помещика Молостова впервые были замечены в 1859 году. Трудно отделаться от мысли, что эти два события взаимосвязаны. Непонятно лишь, почему серьёзные специалисты, начиная всеобъемлющий труд по изучению и восстановлению деталей такого важнейшего исторического события, не потрудились проверить в общем-то элементарные вещи. И какова же теперь цена результатов всех этих исследований, что на эти результаты опираются? И чем глубже мы вникаем в детали, тем больше сомнений вызывают все эти замечательные достижения анализа, давно признанного классическим.

ГИБКОСТЬ ЛИНГВИСТИКИ

Сложилась весьма неприятная ситуация, когда переводчик убедительно обосновал все детали маршрута каравана, лингвистически твёрдо распознал все названные реки, а его главные ориентиры не выдерживают никакой критики. Хуже того, как мы увидим чуть ниже, все эти успехи в лингвистике соседствуют с полным провалом в географии. Наиболее отчётливо это заметно при определении местоположения упоминаемых народов. Фадлан их перечисляет по ходу движения каравана наряду с горами, реками и событиями. Однако попытка расставить их между теми горами и реками, что указал Ковалевский, приводит к вопиющим противоречиям не только с географией, но и со здравым смыслом. Тогда Ковалевскому ничего не остаётся, как нарушать последовательность привязок и расставлять всё по своему усмотрению. Понятное дело, виноватым во всех несоответствиях признаётся сам первоисточник.

В конечном итоге все эти «замечательные» успехи вызывают обоснованное сомнение. Мы позволим себе присмотреться к лингвистическим приёмам переводчика и оценить их самостоятельно. Сделать это нам поможет сам Ковалевский, оставивший множество подробных комментариев к своей работе. В изначальном переводе первая переправа указывалась на реке Багнади. А позже, при поиске маршрута на местности, автор меняет это прочтение на Яган-

ды. Это он обуславливает необходимостью привязки переправы к реке Чаган. Следующая река в этом случае тоже неплохо совпадает. Автор собственно и не скрывает, что выбирает прочтение арабских названий, исходя из реальных названий рек на предполагаемом маршруте. Подход весьма рискованный, поскольку мало отличается от банальной подгонки под требуемые результаты. Даже в этом эпизоде гибкость лингвистики разбивается о географию. Река Чаган совсем невелика и протекает у самого обрыва плато Устюрт, где по свидетельству Фадлана караван настигли сильнейшие морозы. Переплыть её караван никак не мог, т. к. и глубина мала, и лёд ещё крепкий. Мы к ней вернёмся ниже.

Здесь мы уделим внимание огромной реке Джайх, в названии которой вроде бы так убедительно узнаётся реальный Яик. Но мы уже видели, что описание реки и переправы совершенно не соответствует её реальным размерам. Теперь посмотрим, так ли уж всё хорошо в плане лингвистики? В переводе 1939 года название реки приводится в двух вариантах – Джайх и Хайдж. Понятное дело, созвучен Яику только первый из них. В последующих работах и Ковалевского, и других авторов вариант Хайдж уже не упоминается. Но какой же из них реально прописан у Фадлана?

Особенностью древних арабских текстов является отсутствие большинства огласовок и постоянная небрежность переписчиков в отношении диакритических знаков. Местоположение этих «точек над і» может в корне менять звучание многих слов. К примеру, одно и то же слово Минорский читает как Даръя-йе варанг, Новосельцев как Даръя-йе хазар, а в хрестоматии Подосинова оно прочитано как Даръя-йе гурзийан. И если смысловые тексты позволяют хоть как-то выбирать правильный вариант слова по контексту, то с названиями, особенно с теми, что не повторяются, царит полная неразбериха. Вот как поясняет эту проблему главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Е.А. Мельникова:

«Одной из важных проблем, с которыми приходится сталкиваться исследователю восточных источников, является прочтение и отождествление встречающихся в них этнонимов, топонимов и иных названий. В арабском языке насчитывается 34 фонемы, из

них 28 согласных и всего три пары гласных, различающихся по долготе и краткости – а, и, у. Многие согласные имеют сходное начертание и отличаются друг от друга лишь количеством диакритических точек при них. Из гласных на письме обозначаются только долгие, а специальные значки огласовок для передачи кратких гласных, как правило, не ставятся. Таким же по характеру являлось письмо, свойственное и некоторым другим языкам семитской группы, в частности, древнееврейскому и арамейскому, одним из диалектов которого является сирийский язык. Классический персидский язык (фарси), хотя и относится к иранским языкам, но с IX в. пользовался арабским алфавитом. Указанные выше особенности арабской, арамейской и древнееврейской систем письма весьма ограничивают их возможности для адекватной передачи иноязычных собственных имён и терминов. Поэтому при работе с переводами арабо-персидских, сирийских и древнееврейских памятников на европейские языки следует иметь в виду, что предлагаемое в них чтение этнонимов, топонимов, антропонимов и терминов во многих случаях является версией переводчика» [6, с. 172].

Теперь, уже с учётом этого предупреждения, обратимся к комментариям самого Ковалевского. Так выглядит комментарий относительно реки Джайх в работе 1939 года:

«В М[ешхедской рукописи] حَج، а не حَج، как пишет Вал[идов]. Однако его догадка, что здесь кроется название جَيْخ، весьма вероятно. В М[ешхедской рукописи] между ح и ج соединение имеет такой вид, что можно предположить حِ – „й“. Это чтение совершенно очевидно, если обратим внимание на то, что в этой рукописи это же сочетание, постоянно в том же виде, имеется в слове جِيخون Джайхун, т. е. Аму-Дарья. Что же касается точек, то переписчик, по своему обыкновению, мог поставить их куда угодно или совсем не поставить. Название же جَيْخ، принимая во внимание фонетику тюркских языков, конечно, тождественно с именем „Яик“, т. е. рекой Уралом. Хотя Якут и читал сочинение Ибн-Фадлана, но ни одного названия из упомянутых рек в своём словаре не поместил» [25, с. 101].

Как видим, разговор здесь идёт о тех самых диакритических точках. Автор поясняет, что в Мешхедской рукописи такая точка ре-

ально стоит на последней (левой) букве. Валиди Тоган (Валидов) при переводе на немецкий язык даёт неверное начертание этого слова. Указанную точку он перемещает наверх, и ошибочно добавляет под первой (правой) буквой ещё точку, которой в тексте нет. Далее он предлагает считать, что под средней буквой недостаёт ещё двух точек, которые позволили бы прочесть там букву «й», а всё слово как Джайх. Ковалевский готов согласиться с этим прочтением, но в тексте приводит и реально написанный в той рукописи вариант, и это вариант Хайдж. Комментарий к изданию 1956 года уже лаконичнее:

« جیح = جیح Другое произношение этого названия „Йайх“ – Яик, т. е. река Урал» [15, с. 192].

Реально написанное в тексте название Хайдж здесь уже не упоминается вовсе. Вместо этого указывается «правильное» арабское начертание нужного слова. Под первую букву переводчик добавляет точку, в середине ещё две точки, наконец, последнюю точку, единственную реально присутствующую, переставляет наверх. Он ведь выше пояснил, что переписчики могли переставить точки как им вздумается, значит, он как переводчик тоже вправе переставлять их по своему усмотрению. Чтобы лучше понимать, что же там реально творится в тексте, приведём его фрагмент (рис. 10).

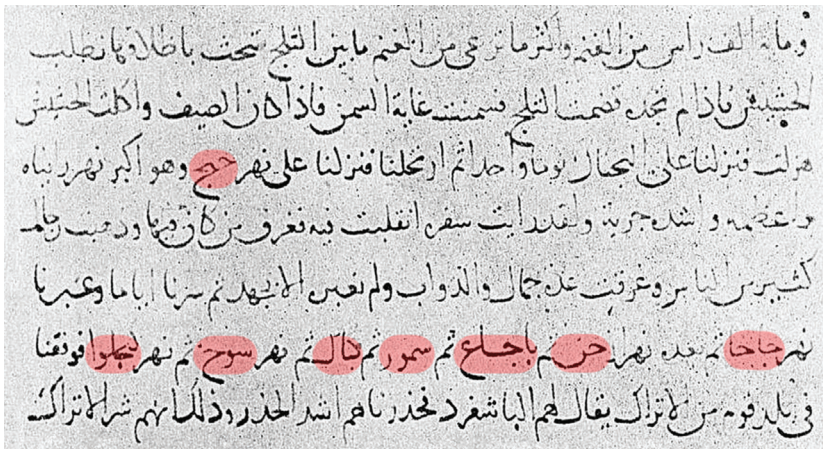

Рис. 10. Река Хайдж и последующие семь рек

Верхнее выделенное слово – это и есть река Хайдж, именно так написано в тексте. Как нам уже пояснял переводчик, средняя буква «й» толком не прописана, а лишь угадывается, и если угадывается правильно, то под ней ещё и две точки стоять должны бы. Точек этих нет якобы по небрежности переписчиков. Но слово написано так, что их и поместить уже некуда, поскольку «й» стоит не правее последней буквы ح (джим), как следовало бы, а над ней.

В арабском алфавите начертание букв зависит от того, в каком месте слова она стоит. Здесь первая и последняя буквы слова обе могут читаться либо как «ха», либо как «джим».

Прочтение определяется той самой диакритической точкой. Если она есть, то читается «джим», а если нет, то «ха».

В реальном тексте, как мы видим, точка стоит в последней (левой) букве. Таким образом написано слово Хайдж, да к тому же ещё и буква «й» под сомнением.

Река Джайх в «интерполяции» Ковалевского – один из самых важных ключевых пунктов, опираясь на который переводчик «восстанавливает» названия менее надёжных. Потому надёжность прочтения самого этого названия должна быть очень высокой. Но, как видим, ни название, ни тем более его описание совершенно не соответствует реальному. Этот «твёрдый ориентир» держится исключительно на вере в ту твёрдость самого переводчика и множества его последователей. А уже по нему методом «гибкой интерполяции» делаются ещё более гибкие выводы.

Ниже в тексте перечислены ещё семь рек, это Джаха, Азхан, Баджа, Самур, Кабал, Сух, Ка(н)джалу. Там тоже не всё так просто, достаточно просмотреть примечания к переводу.

Проблемы с теми же точками, недостающими или невнятно написанными буквами и т. д.

Кстати, обратим внимание на повторяющееся в тексте слово ^{ثم} (thuma), т. е. «потом», которое присутствует перед каждым названием реки. Все три диакритические точки над ним видны достаточно чётко. Так же хорошо они просматриваются и в самом слове «река», т. е. نهر (nahr). Потому произвольные перестановки и добавления точек в названиях рек отнюдь не выглядят убедительно.

НАРОДЫ

Как видим, в реконструкции Ковалевского, несмотря на лингвистические успехи, видны явные географические огрехи. Названия рек замечательно совпадают, а вот их величина совершенно не соответствует тексту. С озёрами и вовсе конфуз получился, они были вырыты в середине XIX века, а указываются в качестве объекта в событиях начала X века. Но наибольшие проблемы реконструкции оказались связаны с локализацией упоминаемых народов.

Дело в том, что Ибн Фадлан указывает реки и народы в той последовательности, в какой караван с ними встречался. Во всяком случае именно так построен его текст – караван прибыл к гуззам после того, как пересёк горы, а покинув гуззов, приходит к первой из названных рек и т. д.

Реки Ковалевский «успешно распознал», и теперь самое время нанести на карту названные Фадланом племена. Гуззов нанести между горами и первой рекой, башкиров отметить на противоположном её берегу. У огромной реки расположим печенегов, на половине пути между огромной рекой и тремя озёрами поместим кровожадное племя аль-Башгирд. Оно ведь встретилось через 7 рек после огромной, а ещё через 7 рек караван прибыл к царю славян, повелителю Булгара. А где-то неподалёку на реке Итиль должны быть следы русов, которые постоянно приплывают для торговли. Во всяком случае, из купцов на рынке Фадлан указал только русов, причём уделил их описанию много места.

Гуззы

Итак, гуззы оказываются между Северным Чинком и рекой Чаган, за ней засады башкир, печенег у реки Урал и озера Челкар. Племя аль-Багширд в промежутке между реками Большой Черемшан и Кундурча. Это полоса около 70 км шириной. Славяне или булгары возле Камы начиная от трёх озёр. Не совсем понятно местонахождение русов, но приплывают они, вероятно, от верховий

Волги. Вроде бы всё просто и понятно, но только до тех пор, пока перед глазами нет карты, потому что с географией дело обстоит не просто плохо, а очень плохо. Проблема в том, что Чаган протекает у самой кромки обрыва Чинка (рис. 11). То есть племени гуззов ничего не остаётся, как жить прямо на самом склоне – после горы, но до реки. Племя это, напомним, очень богато, имеет большие и тучные стада овец, растит пшеницу, использует деревья как орудие казни, имеет деревянную посуду.

Ему бы жить в степи и лесостепи на широких просторах, между реальными горами и приличной рекой. А оказалось оно в пустыне на склоне обрыва высотой не более 300 метров. Нелепость такой конструкции видит, конечно, и Ковалевский, но не находит ничего лучшего, как обвинить во всём самого Ибн Фадлана:

«Мы уже видели, что Ибн-Фадлан комбинирует в своём рассказе перечисление порядка следующих друг за другом переправ с вставными описаниями быта и нравов народов, живущих на данной территории. При этом он соединяет эти два элемента своего повествования, не заботясь о том, чтобы нам было ясно их соотношение, то есть, где, собственно, была область обитания данного народа. Так как невозможно допустить, чтобы большой народ огузов жил на узкой полосе между Чинком и рекой Йаганды, то следует считать, что область его кочевья простиралась до озера Челкар, где в это время была стоянка печенегов» [14, с. 52–53].

Вот так одним взмахом пера профессор перечёркивает всё, что Фадлан рассказал о местонахождении встреченных племён. Теперь он намерен располагать их так, как сам считает правильным.

Казалось бы, это племя само могло бы выступать в качестве твёрдой опоры в поиске рек. Расположись оно в излучине реки Урал и у озера Челкар, как и предлагает Ковалевский, всё действительно сразу станет на место, и пшеница, и деревья, и большие тучные стада. Позади у каравана в этом случае реальные горы Мугоджары (рис. 12), а впереди река Урал, ей и быть той рекой Багнади. Мы же видели, что для реки Джайх она совершенно мала.

Но тогда караван попадёт вовсе не в Волжскую Булгарию, а этого допустить Ковалевский никак не может.

*Рис. 11. Чинк Устюрта
на пути каравана*

Рис. 12. Холмы Мугоджар

Последовательность рек в тексте его вполне устраивает. Лингвистически все названия, или почти все, удалось вписать в реальную карту. А вот названные народы он предлагает из текста вычлениить и расставить совсем по-другому, они, мол, вставлены туда без реальной привязки к рекам. Вот это место из текста, частично уже приведённое ранее:

«Когда мы проехали пятнадцать дней, мы достигли большой горы с множеством камней, на которой источники, прорывающиеся при раскопке воды. Когда мы пересекли их, (мы) прибыли к племени турок, известных под именем аль-Гуззия. И вот они кочевники; у них дома волосяные (из кошмы)...» [25, с. 60].

«И так они не переставали спорить между собой об этих вещах семь дней, а мы находились в смертельном положении, пока они не объединились на том мнении, чтобы отпустить нас и чтобы мы проехали. Мы же преподнесли Тархану мервский хафтан и два куска (материи) пай-баф, а его товарищам куртку и также Яналу, и вручили им перец, просо, лепёшки из хлеба. И они удалились от нас.

Мы отправились, пока не достигли реки Багнади. Люди вытащили свои дорожные мешки, а они из кож верблюдов. Они расстелили их [...] в каждый дорожный мешок села группа [...] Они взяли в руки деревянные [...] как вёсла, непрерывно ударяя [...] пока они не переправились» [25, с. 65].

Фадлан совершенно чётко описывает последовательность событий в их взаимосвязи. После гор приходят к гуззам, а уйдя от них, выходят к первой реке. В тексте ещё присутствует многостраничное описание быта гуззов и общения с ними, мы его заменили многоточием. Ковалевский же первой рекой оставляет Чаган, но гуззов

одним махом перебрасывает сразу через 8 рек вперёд к печенегам. Башкир же он оставляет-таки на прежнем месте, сразу за Чинком.

Есть, правда, и другие мнения, не столь радикальные. В качестве компромисса предлагается сдвинуть гуззов Ковалевского и его реку Багнади навстречу друг другу. Гуззы в этом случае оказываются на реке Эмба, её и признают той Багнади. Тут, увы, лингвистическое сходство сразу теряется, зато с географией уже получше. Реку Чаган караван ведь проходил сразу после Устюрта, где стояли очень сильные морозы. Значит, переходили по льду.

«Река Шаган – имеет воду в марте и апреле, глубина в это время до 1 м, ширина русла 20–40 м, дно илистое, местами песчаное. До слияния с рекой Манысай берега реки обрывистые, высотой до 4 м. В отдельных углублениях русла вода сохраняется до осени» [23, с. 48]. К тому же она и потом совсем неглубока, а Эмба всё же побольше. Здесь как раз находится граница пустыни и степи, что тоже неплохо. Но всё же Эмба тоже мелковата, ото льда она вскрывается в конце марта, полноводной бывает лишь в апреле–мае. Если гуззы там, где их видит Ковалевский, то проходили Эмбу арабы ещё в марте, когда она ещё не разлилась от таяния снегов. В этом случае верблюды её попросту переходят без всякой задержки (рис. 13, 14). Если же гуззы на Эмбе, то, возможно, за время семидневной задержки ими каравана река стала полнее.

Рис. 13. Река Эмба в среднем течении

Рис. 14. Река Урал

Однако вернёмся пока к Ковалевскому. Гуззы у него теперь оказались у огромной реки Джайх вместе с печенегами. Тут бросается в глаза явное противоречие в описании этих двух народов. Гуззы богаты и имеют огромные стада овец, а печенеги на этих же землях совершенно бедны. При этом в тексте мы снова видим чёткое описание последовательности событий. Караван давно прошёл земли гуззов, переправился через Урал и подошёл к Волге. Там, у широких вод Волги, а не у озера Челкар, они и встретили тех печенегов.

«Итак, мы переправились через Багнади способом, описание которого мы сообщили. Потом мы переправились после этого через реку, называемую Джам, также в дорожных мешках, потом мы переправились через Джахаш, потом Адал, потом Ардан, потом Вaриш, потом Ахти, потом Вабна, а это всё большие реки. Потом мы прибыли после этого к печенегам, и вот они остановились у воды, похожей на море, не текущей, и вот они тёмные брюнеты, и вот они с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гуззам [...] Мы оставались у печенегов один день, потом отправились и остановились у реки Джайх (Хайдж), а это самая большая река, какую мы видели, самая огромная и с самым сильным течением» [25, с. 65–66].

Фадлан конкретно указывает, что после ухода от гуззов пройденно восемь больших рек, и только «после этого» прибыли к печенегам. Если гуззы там, где их предлагает разместить Ковалевский,

т. е. в степи, а не в пустыне, то печенегов следовало бы ожидать у Волги, у некой огромной затоки без явного течения. Волга действительно самая большая река на пути каравана, и печенеги там действительно жили. А вот у озера Челкар этим нищим делать нечего, там гуззы их явно не потерпят, раз уж богатые пришельцы с дарами от них чуть живыми ушли.

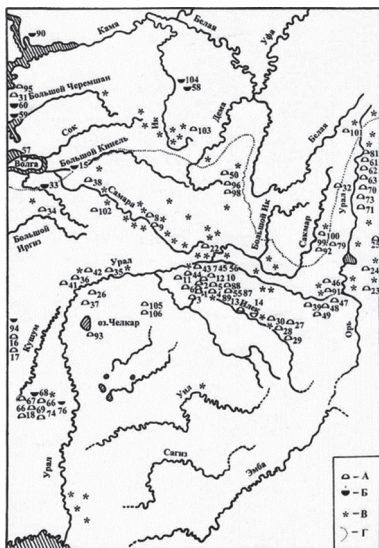

Рис. 15. Карта памятников средневековых кочевников Волго-Уральского региона:

А – курганы и курганные могильники;

Б – грунтовые могильники и дюнные захоронения;

В – случайные находки;

Г – примерная граница степи и лесостепи.

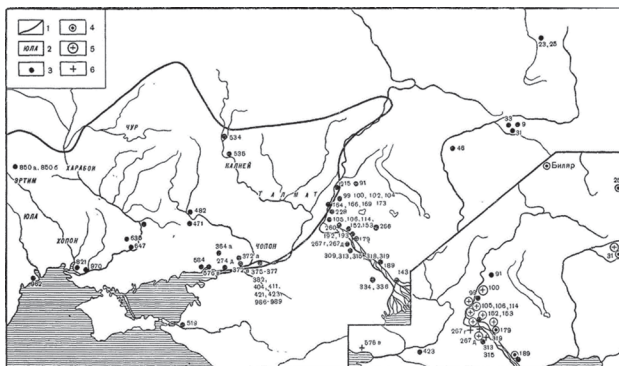

Рис. 16. Карта погребений I периода:

1 – граница расселения печенегов по А. М. Щербаку;

2 – племена печенегов по А. М. Щербаку;

3 – копоушки типа II;

4 – нашивки DII;

5 – нашивки DIII, DIV;

6 – лепные сосуды АI, БI-БIII.

А теперь посмотрим, где находились реально племена гуззов и печенегов по данным археологии (рис. 15, 16). Как видим, печенегов действительно можно было встретить у Волги, а не за рекой Урал. Могильники гуззов очень хорошо видны в междуречье Урал–Илек. Это несколько восточнее места, указанного Ковалевским, зато на противоположном берегу реки реально можно было встретить башкир. А вот на реке Эмба никаких могильников не просматривается, потому вариант с компромиссной версией можно смело отбросить. Нет там ни пастбищ, ни следов захоронений.

Башкиры

И с племенем башкир у переводчика появляются аналогичные проблемы. Как и в случае с гуззами, он их списывает не на свою расшифровку рек и надуманные переносы диакритических точек, а на самого Фадлана:

«Весьма важным является вывод, что перечисленные Ибн-Фадланом названия рек далеко не точно увязываются у него с его же рассказами о тех народах, среди которых проезжало посольство. Выше было указано, что на это обстоятельство обратил внимание также К. Цегледи. Так, перечисление рек, протекающих по стране огузов, следует у Ибн-Фадлана после подробного рассказа об этом народе и даже после сообщения об отъезде посольства из страны огузов. Создаётся впечатление, будто огузы жили где-то до начала переправ посольства через все эти реки, т. е. на узкой полосе между северным Чинком и рекой Чаган. Страна башкир тоже оказывается где-то в узких пределах междуречья Кундурча – Б. Черемшан. Между тем эти народы занимали гораздо более обширные пространства, и Ибн-Фадлан в данном случае просто имел в виду дать общий маршрут и назвать переправы, не сопоставляя их с отдельными обстоятельствами своего путешествия.

Точно так же в конце перечисления всех этих рек он называет две реки, у которых посольство побывало уже гораздо позже, после длительного пребывания в ставке царя булгар» [15, с. 98].

Ковалевский здесь объединяет два племени с близкими названиями в одно, хотя по тексту между ними 16 рек, одна из которых гигантская. В издании 1939 года первое из них называлось башкирами, а второе переводчик называл аль-Башгирд, отметив некоторое отличие в написании. Засады башкир в трактовке Ковалевского остаются у Северного Чинка и реки Чаган, то есть далеко в тылу у воинственных гуззов, а область постоянных кочевий тех же башкир – далеко за рекой Урал в узком междуречье Кундурча и Большой Черемшан. Нам сразу предлагается произвольно расширить эту территорию, поскольку башкиры, как и гуззы, реально «занимали куда большие пространства».

Если нанести эти выводы Ковалевского на карту, то нелепость всего построения становится совершенно очевидной (рис. 17). Основное пятно расселения получилось севернее Самарской Луки, а засады на пути караванов башкиры устраивают почти за тысячу километров от своих земель, к тому же в тылу у весьма агрессивных гуззов. Территория реального расселения башкир действительно обширна, но лежит она в стороне от указанной. Если караван и мог столкнуться с засадами башкир на переправе, то только на реке Урал, на самом деле пройдя земли гуззов и оказавшись перед первой серьёзной рекой на пути. Это и есть река Багнади, первая из всех названных рек.

Существует и другая трактовка, вообще отрицающая башкир в тексте Фадлана. С этой точки зрения речь в «Записке» шла о финно-угорских племенах, название которых у арабов сходно с башкирами. Эта версия сегодня наиболее популярна в Татарстане. В республике уделяется огромное внимание популяризации истории Волжской Булгарии. В 2014 году Спасск-Татарский в качестве древнего Булгара был включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В материалах указывается, что город существовал с VII по XV века и является символом принятия мусульманства булгарами и местом паломничества татарских мусульман.

Интерпретация текста Фадлана сыграла решающую роль в принятии этого решения Комитетом всемирного наследия на его заседании в Катаре. Первый президент Татарстана М. Шаймиев заявил: «Если бы не было записок Ибн Фадлана, мы бы не доказали,

что в 922 году в Болгаре был принят ислам». А 19 февраля 2016 года в Центре «Эрмитаж-Казань» была открыта важная выставка «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара». К ней был подготовлен солидный научный каталог [24], содержащий приветственное слово Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, статью Генерального директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского, а также фотографии и описания множества экспонатов самой выставки. В каталоге приведён ещё один вариант перевода текста Фадлана, который подготовил сотрудник Эрмитажа В.С. Кулешов, как раз в это время защитивший кандидатскую диссертацию [16].

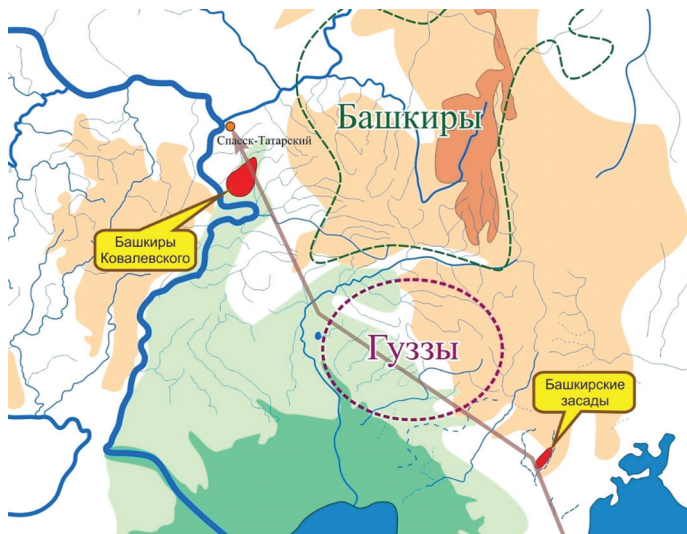

Рис. 17. Башкиры Ибн Фадлана в интерпретации А.П. Ковалевского

Научный руководитель его диссертации – Е.А. Мельникова, та самая, которая предостерегала нас, что «чтение этнонимов, топонимов, антропонимов и терминов во многих случаях является версией переводчика». И хотя целью нового перевода указывалось «улучшение передачи авторского голоса» для неподготовленного читателя, свёлся он как раз к полному вытеснению голоса автора во всех тех местах, где трактовки плохо согласуются с его текстом. Так,

в новом переводе нет уже ни царя славян, ни самих славян. Слово это везде заменено на болгар, очевидно, чтобы не смущать неподготовленного читателя явным несоответствием. Все упоминания башкир заменены в этом переводе на финно-угров. Кроме того, из всех вариантов прочтения названий рек безальтернативно указаны лишь наиболее подходящие. Всё это напоминает ситуацию с озёрами помещика Молоствова.

Практически одновременно с каталогом выставки вышла коллективная монография казанских историков «История татар Западного Приуралья» [13], в которой очень большое внимание уделено вопросу первичности этноса татар по отношению к соседям башкирам. Работа вызвала скандал, возмущив ряд башкирских историков и общественных деятелей [17, 8, 11]. Пикантность ситуации оказалась в том, что башкиры прямо упоминаются в тексте Ибн Фадлана, а вот сами татары только подразумеваются в тех булгарах, которыми в тексте заменили славян. При таком раскладе говорить о вторичности башкир по отношению к татарам было, конечно же, сложно, поэтому в новом переводе их предусмотрительно заменили уграми. Предостережение Елены Александровны нисколько не смутило её подопечного, да и сама она не увидела здесь повода для возражений.

Булгары

Наконец рассмотрим самый твёрдый ориентир всех вариантов реконструкций. Этот ориентир – сама Волжская Булгария. В том, что караван направлялся именно туда, не сомневался практически никто. В числе очень немногочисленных скептиков и оказался некогда Спицын, но понимания не встретил. Причиной такой уверенности стал, пожалуй, академик Френ. В тот момент, когда в Швеции были опубликованы сведения из «Географического словаря» Якута, будущий академик уже 7 лет возглавлял кафедру восточных языков в Казани, в той самой Волжской Булгарии. Он был приглашён из Германии как языковед, но здесь обратил внимание на местные коллекции восточных монет, ещё неизвестные Европе, и таким об-

разом погрузился в проблемы археологии. Статья Я. Расмуссена о миссии Фадлана в пересказе Якута вызвала у Френа живой интерес. В тексте говорится о реке Атиль и повелителе Булгара, а это как раз очень хорошо подходило к Волжской Булгарии. В золотоордынское время здесь процветал местный город Булгар, а Волгу местные народы и сегодня зовут Идел, Эдил. И хотя такая трактовка приводила к явным противоречиям с текстом, её подхватили все последующие исследователи.

Напомним ещё раз эти противоречия. В тексте говорилось о походе посольства к славянам, о встрече с русами, об огромных лесах и болотах, о напитке из берёзового сока, об озёрах, и это никак не соответствовало волжско-камской локализации. Да и слово «атиль» в тюркских языках означает просто реку, а значит, применимо вообще к любой. В месте слияния Камы с Волгой больших лесов быть не может, поскольку это граница лесостепи. Трудно предположить существование здесь обычая добывать берёзовый сок. Ещё хуже со славянами и болотами – ни тех, ни других здесь быть просто не могло. Преодолению всех этих противоречий исследователи и энтузиасты уделили немало сил.

Как мы уже видели, наиболее радикально подошёл к делу помещик Молоствов. Ковалевский тоже в стороне не остался. Вот, к примеру, важный фрагмент текста Ибн Фадлана с описанием местности тех славян:

«Действительно, я видел из них леса (такие), что каждый лес имел сорок фарсахов (в длину) при подобной же (ширине). Я видел у них дерево, не знаю что это такое, чрезвычайно высокое; его ствол лишён листьев, а вершины его как вершины пальмы, и у него ваи. [...] однако они (ваи) соединяются, проходя к известному для них (жителей) месту его ствола. Они же (жители) пробуравливают его и ставят под ним сосуд, в который течёт из этого отверстия жидкость (вода) более приятная, чем мёд» [25, с. 72].

В отношении жидкости из дерева ещё Френ указал, что это берёзовый сок. Не поясняется лишь, откуда такой обычай у жителей лесостепи. Куда сложнее с лесом. С учётом того, что фарсах составляет около 8 км, леса получаются довольно солидными,

300 километров в поперечнике каждый. Но от Камы до границы со степью всего 200 км, таких лесов в местной лесостепи нет и быть не могло. Здесь явно видно несоответствие текста и предложенной Френом местности. Но если заглянуть в комментарии Ковалевского, то можно увидеть ещё более существенные детали, предсудомостительно опущенные при переводе:

«M غبایضا تكون الغیضة اربعین فرسخا γ Якута, m то же, но с вар[иантом] يكون Однако W, r, Fr. Bul. اربعین فرسخا (r – بكونه) تكون غبایضا „заросли, имеющие сорок фарсахов“. Слово غیضة „заросли“ обычно обозначает „болота, покрытые тростником и лесом“ (Kaz.), но также bosquet, bocage (Belot), „роща“, bois, forêt (Dozy). Френ (Bul.) здесь переводит Wälder. Выражение это у аль-Мас’уди употребляется при описании кубанских плавней и лесов Кавказа» [25, с. 114].

Т. е. в тексте Фадлана говорится о лесах и болотах, а в районе Спасска-Татарского никаких болот вовсе нет. И если на размеры лесов можно просто закрыть глаза, то с болотами несоответствие слишком явное. Дело в том, что на огромные болота в землях болгар указывает ещё Ибн Русте, писавший всего-то десятилетием раньше Фадлана, он даже упоминает того же царя болгар.

«Булгар граничит с страной Буртас. Живут Булгаре на берегах реки, которая впадает в Хазарское море и прозывается Итиль, протекая между странами Хазар и Славян. Царь Булгар, Альмуш по имени, исповедует ислам. Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут. Они делятся на три отдела: один отдел зовётся Барсула, другой – Асгал, а третий – Булгар. Живут же они все в одной и той же местности. Хазаре ведут торг с Булгарами, равным образом и Русы привозят к ним свои товары. Все из них [...], которые живут по обеим берегам помянутой реки, везут к ним (Булгарам) товары свои, как-то меха соболи, горностаевы, беличьи и другие» [9, с. 262–263].

Как видим, сведения Ибн Русте мало отличаются от рассказа Фадлана. Русы не просто постоянные гости у болгар, но и живут на одной с ними реке Атил/Итиль. На той же реке Итиль помещает русов и Ибн Хаукаль. Многие арабские авторы указывают земли русов между булгарами на востоке и славянами на западе и связы-

вают их с неким тоже болотистым островом. Вот так комментирует эти болгарские болота доктор исторических наук Р.Г. Фахрутдинов:

«О болгарской земле имеются сведения у Ибн-Русте: „Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут“. Данное определение является единственным во всей восточной географии. Оно не только не соответствует палеоботаническим и археологическим данным, но и не находит поддержки у других современников болгар. [...] По этому поводу Б.Н. Заходер удачно заметил, что растительный ландшафт значительной части Восточной Европы рисовался составителям свода в виде обильно снабжённых водой, покрытых лесными зарослями пространств. Вполне допустимо, что привыкшие к открытым пространствам арабы (в данном случае – купцы, устные источники Ибн-Русте), побывав на лесостепном Среднем Поволжье, обратили внимание на лесные массивы. Именно о такой лесостепи, о продолжении в ней на первых порах кочевнических традиций у болгар писал Гардизи, о том, что болгары „блуждают с места на место“ среди лесов» [33, с. 9–11].

Как же так?! Мы видим точное соответствие сообщения Ибн Русте и Ибн Фадлана о лесах и болотах, а учёный говорит о том, что это единичное сообщение и оно не повторяется больше ни у кого. А всё дело в том, что из текста Фадлана эти болота предположительно были выброшены ещё на этапе перевода. А дальше нам привычно рассказывают, что арабы представляли северные земли весьма превратно и верить нужно не первоисточникам, а теории. Кстати, Фахрутдинов здесь аргументированно подтверждает, что никаких болот южнее Камы не было и в давние времена. А вот в районе Смоленска и Гнёздова леса и болота вполне соответствуют арабским сообщениям. Вот только в означенную теорию они не вписываются.

Но как же быть с Волжской Булгарией? Её существование в ордынское время бесспорно. Волжские болгары дали крепкий отпор первой волне татарского нашествия. Откуда у Смоленска ещё одним болгарам взяться, не перемещались же они с места на место. Вот тут как раз и следует вспомнить историю болгар. Согласно древним источникам, в VII веке великий хан Кубрат объединил всех болгар

в одно государство – Великую Булгарию. Располагалась она, по мнению многих специалистов, в районе Азовского моря. После смерти Кубрата пять его сыновей, нарушив завет отца, разделили народ на части, и каждый ушёл на новое место. На земле отца остался только старший сын Батбаян со своей частью народа. Остальные ушли кто на Дон, кто на Дунай, кто в Паннонию. Да и Фадлан говорит о булгарах как о кочевниках. Иначе говоря, булгары неоднократно меняли место жительства, это достоверно известно. А ещё существует свидетельство тех же арабов, что во времена великого киевского князя Святослава земли булгар были заняты русами, а сами булгары в очередной раз изгнаны:

«В настоящее же время не осталось и следа ни из Булгара, ни из Буртаса, ни из Хазара, ибо Русы напали (или истребили) всех их, отняли у них все эти области и присвоили их себе. Те же, которые спаслись от их рук, рассеяны по ближайшим местам, из желания остаться вблизи своих стран, и надеясь заключить с ними мир и подчиниться им» [10, с. 218].

Это сообщение Ибн Хаукаля, лично встречавшегося с беженцами. Его сведения подтверждает аль-Мукаддаси, а позже и Идриси.

По их сведениям, не удалось булгарам вернуться на прежние места обитания.

«А русов (ар-Русиййа) два вида. Один вид – это тот, о котором мы говорим в этом месте, и есть другой вид, это те, что [живут] по соседству со страной Ункариййа и Джасулиййа. И они, в то время когда мы составляем эту книгу, уже победили буртасов, булгар и хазар, изгнали их из их страны и отняли её у них. И не осталось там, кроме них (русов), никакого другого народа, а лишь только [их] названия в [этой] земле» [4, с. 218].

Поход Святослава состоялся в 965 году, через сорок три года после посольства Ибн Фадлана. То есть Ибн Фадлан приходил к булгарам в Гнёздово, а через 43 года булгары вынуждены были покинуть свои земли среди огромных лесов и болот и переместиться в лесостепи на Волге. И никаких противоречий с первоисточниками. Стоит ли пояснять, что в существующую теорию Ибн Хаукаль с этим разгромом и изгнанием тоже не вписывается и его сообщение многими признаётся такой же фантазией, как леса и болота Ибн Русте.

АРХЕОЛОГИЯ ПОВОЛЖЬЯ И ГНЁЗДОВО

Если уж возник вопрос о местонахождении самой Булгарии во время прибытия арабского посольства, то есть смысл сравнить археологические датировки двух вариантов. В отношении Гнёздово всё достаточно просто, курган Л-13 Авдусин датирует практически тем же годом, что и посольство Фадлана. Во время похода Святослава там фиксируется военный разгром и пожары. Руководитель Смоленской археологической экспедиции Т.А. Пушкина, рассматривая вопрос датировки, приводит мнение своего ученика:

«В недавней статье, посвящённой вопросам раннего политогенеза Смоленского Поднепровья и Подвинья, В.С. Нефёдов разделил известные ему восемь гнёздовских кладов на две типохронологические группы (920-е – начало 940-х гг. и конец 940-х – начало 960-х гг.), связывая второй период с катастрофическими событиями военного разгрома Гнёздова. Автор датировал предполагаемые события первой половиной 960-х гг. и связал их с крупной военно-административной акцией с целью подчинения Смоленска/Гнёздова власти Киева» [7, с. 278].

Всё это прекрасно соответствует тому, что нам известно о Булгаре. А вот если обратиться к Спасску-Татарскому, то там всё гораздо сложнее. Археологические поиски на городищах показывают, что в начале X века там только зарождается жизнь, а вот реальные следы датируются либо концом X века, либо ещё более поздним временем.

«В начале 1980-х гг. Е.П. Казаковым были сформулированы основные тезисы новой гипотезы и археологическая периодизация раннеболгарских древностей. Согласно ей археологически оправданным является отнесение верхней границы этого периода к последней четверти X в., причём весь X в. рассматривался как догосударственный, переходный этап от кочевания к оседлости, сопровождавшийся сменой болгарской языческой религии исламом.

Основных аргументов в пользу этого несколько. Во-первых, отсутствие многочисленных постоянных болгарских поселений IX–X вв. Во-вторых, сохранение языческого обряда погребения

в болгарских могильниках вплоть до третьей четверти X в. В-третьих, материальная культура поселений болгар второй половины X в. сильно отличается от материалов могильников второй половины VIII–X в.» [27, с. 512].

В середине X века Святослав разоряет город Булгар и изгоняет население, а у Камы ещё и городов-то нет, они как раз после изгнания здесь появляться начинают. И ислам сюда приходит в это же время, очевидно, вместе с пришедшими сюда булгарами. И сразу же начинаются стремительные изменения местного уклада жизни.

«Политические события X в.: борьба за власть болгарской знати, уход части кочевых болгар и угров на запад – свидетельствуют, что распад кочевого уклада был настолько стремительным, что запустил новые механизмы развития экономического, хозяйственного уклада. Одним из следствий этого стало развитие болгарской поселенческой структуры, окончательно сформировавшейся уже в следующем, XI, столетии. Основой её стали неукреплённые поселения (селища)» [27, с. 562].

В принципе, отсутствие видимых следов болгар южнее Камы не считалось большой проблемой. Фадлан пишет о кочевниках, а кочевники не оставляют таких отчётливых следов, как оседлое население. И города болгары стали, мол, строить лишь после отъезда посольства. Царь Алмуш как раз рассчитывал на денежную помощь арабов для начала строительства крепости. Такое объяснение в принципе всех устроило.

Очень большое внимание было уделено поиску курганов, со столь красочно описанным Фадланом погребением знатного руса. Здесь все надежды возлагались на курганы в Балымерах. В 1870 году А.Н. Стоянов раскопал там 6 курганов, но по его же словам:

«Из Балымерских курганов мною было раскопано шесть. Все шесть курганов представляли насыпи песка, перемешанного с чернозёмом. В каждом из них на глубине 0,8–0,9 м были найдены зола, уголь и обгорелые кости больших домашних животных, но затем, несмотря на то, что рыли более чем 2,5 м вглубь и в стороны, – в курганах ничего не найдено» [30, с. 20].

Неудачные раскопки одни объясняли непрофессионализмом Стоянова, другие считали, что вскрыты были не курганы, а обычные холмы сходной формы, потому ничего там и не нашлось. Второй раз курганы вскрывались в 1882 году Н.П. Лихачёвым и П.А. Пономарёвым. Из семи холмов реальным курганом оказался только один.

П.А. Пономарёв писал о раскопках так:

«Раскопано было ещё 7 насыпей, шесть из них оказались вполне тождественными с раскопанными в 1871 г. (Стояновым), но одна представляла ясные признаки несомненного кургана. Послойная его раскопка обнаружила следующее: [...] кругом кострища на прилегающей к нему тонкой прослойке пепла симметрично расположены были следующие вещи: у юго-восточной стороны кострища – глиняный сосуд с круглым плоским дном; у северо-восточной – ряд медных пластинок, напоминающих поясной набор и расположенных в виде круга, в центре которого находилось железное огниво; у юго-западной – большой ржавый железный меч с широким и изогнутым клинком [...]. Эта картина погребения, конечно, далеко ещё не даёт полной аналогии с характеристикой Ибн-Фадлана, но в ней есть и некоторые общие черты» [29].

Эта находка оказалась наиболее интересной, в остальных курганах удалось обнаружить только угли, кости и мелкие предметы. Были найдены и захоронения без сожжения. По найденным монетам их датировали XIII веком или позже. Курганы с сожжением, видимо, постарше. Находка меча обнадёживала, однако все последующие поиски так ничего и не дали. Найденный меч в кургане с кремацией стал самой значимой находкой, но никакого особого сходства с описанием Фадлана там не обнаружилось. Ничего не дали и последующие изыскания. Позже раскопанный ещё один перспективный курган Шолом оказался языческим святилищем без захоронений. Так что статья Спицына появилась не на ровном месте, разочарование было действительно велико. Как уже говорилось, скепсис Спицына был резко отвергнут ведущими специалистами, но его они тоже не убедили. В архивах его главного оппонента Тизенгаузена позже было найдено письмо Спицына по поводу этой полемики:

«Я уже ознакомился с Вашей защитой Ибн-Фадлана, и очень жалею, что Вы здесь приняли слишком пренебрежительный тон. Поднятый мною вопрос серьёзнее, чем думается на первый взгляд, и не так-то легко одним взмахом пера сбить меня с моей позиции. Моя постановка вопроса уже потому вполне серьёзна, что она единственно научная, так как сочинение Ибн-Фадлана до сих пор имеет только панегиристов и комментаторов и не имеет критиков. Спорить с Вами много и долго я не буду, потому что не имею на это времени и расположения; я спокоен за свою мысль, зная, что всякий новый взгляд усваивается только со временем. Смело говорю это, хотя хорошо знаю, что Вы по поводу такого заявления скажете. Искренне благодарный за Ваше доброе отношение ко мне, А. Спицын» [22].

Понятное дело, не мог Спицын найти на берегах Волги следы тех событий, что происходили совсем в другом месте. Их нашли Авдусин и Третьяков на Днепре. Там оказались и святилища русов, и парное захоронение в лодье. И то, и другое в мельчайших деталях совпало с описанием Фадлана. Вывод, кстати, из этих находок был сделан не менее замысловатый, чем все предыдущие. Спицын, оказывается, напрасно утверждал, что нет следов тех обрядов, которые пересказывал Фадлан. Наоборот, эти обряды были распространены весьма широко и найдены даже в Поднепровье. Ну а на волжских берегах их просто время не пощадило. Как видим, чем дальше от фактов, тем гибче теория.

ХРОНОЛОГИЯ ПУТИ

Исследователи изначально исходили из того, что конечной точкой пути каравана была Волжская Булгария. Это был самый твёрдый ориентир реконструкции. Та же река Джайх стала Уралом лишь потому, что более крупных рек на пути в Волжскую Булгарию нет. Но туда ли шёл караван на самом деле? Расстояние от Старого Ургенча до Спасска-Татарского через Эмбу и Уральск составляет 1600 км. Длительность перехода Ибн Фадлан указал сам:

«Наше прибытие к нему было в воскресенье, когда прошло двенадцать ночей (месяца) мухаррама триста десятого года, и было расстояние от аль-Джурджании до его страны семьдесят дней» [25, с. 67].

Караван тронулся в путь 4 марта 922 года и прибыл в конечный пункт 12 мая того же года. Таким образом, в сутки он проходил $1600/70=22,9$ км, это весьма скромное расстояние. Для торговых арабских караванов принимают средний дневной переход в пределах 30–40 км. Поскольку в данном случае среднее расстояние дневного перехода оказалось существенно меньше, то переводчик попытается сгладить это несоответствие, а заодно объяснить явную неторопливость путников. С этой целью он исключает из расчёта 10 дней, проведённых путниками на всевозможных остановках и задержках. Фадлан указывает, что 7 дней они ожидали решения своей судьбы, когда военачальники гуззов совещались, отпустить путников или убить и ограбить. И хотя верблюды после отдыха могут идти существенно быстрее и наверстать упущенное, но формально средний переход получается уже несколько больше: $1600/60=26,7$ км/день. Это всё равно маловато, но выглядит уже не столь неубедительно.

Чтобы лучше понимать значение этих цифр, ознакомимся с возможностями «кораблей пустыни» на основании авторитетных источников. В качестве такового возьмём современный учебник по верблюдоводству Казахстана. Его авторы приводят замечательные примеры выносливости этих животных: «При дальних переходах верблюд проходит по 30–40 км в день и несёт на себе вьюки до 250–300 кг, т. е. почти половину собственного веса, а самые сильные – столько же, сколько весят сами – 700 кг. Под всадником верблюды могут проходить иноходью около 100 км в день со скоростью 10–12 км/час» [28, с. 102].

Они долго могут обходиться без воды:

«Зимой 1954/55 года известный зоолог, ботаник, геолог и археолог профессор Монд из Декарта за 21 день пересёк с друзьями на верблюдах совершенно безводную область Сахары. Исследователи

за три недели прошли 944 км. В пути верблюдов ни разу не поили! (Правда, они ели различные растения: ведь была зима и местами среди песков попадались зеленеющие травы)» [3, с. 141].

Ещё обратим внимание на способность верблюдов преодолевать серьёзные водные преграды:

«Верблюды совершенно не приспособлены к прыжкам через препятствия. Они хорошо переходят вброд широкие и глубокие реки при условии, если дно не скользкое и нет быстрого течения. Плавают верблюды, наклоняя туловище несколько набок. Держаться на воде им помогают жировые горбы. Верблюды способны переплывать такие широкие реки, как Нил, Волга, Аму-Дарья.

В отличие от однокопытных, свободно отдыхающих стоя на ногах, верблюды отдыхают лёжа на груди» [28, с. 49].

Но здесь нас интересуют не рекордные возможности, а средние, устоявшиеся и многократно проверенные. Авторы учебника в этом вопросе ссылаются на рекомендации доктора сельскохозяйственных наук, профессора И.И. Лакозы. Для верблюда массой 500 кг при дневном переходе в 30–35 км он рекомендует груз 225 кг. Для перехода в 40–45 км груз следует снизить до 175 кг. Животное весом в 600 кг может нести 275 кг или 215 кг соответственно. Всё это вполне соответствует принятым оценкам для переходов арабских караванов.

Важным фактором, определяющим скорость передвижения каравана, является вес перевозимого груза. Ради перевозки торговых грузов караваны ведь и отправляются. Однако в нашем случае караван имел совсем другую задачу – он перевозил посольство. Никаких грузов, кроме продуктов для самих путников и подарков влиятельным особам, Ибн Фадлан не упоминает.

«Мы купили турецких верблюдов и велели сделать дорожные мешки из верблюжьих кож для переправы через реки, через которые нам нужно будет переправляться в стране турок. Мы запаслись (в дорогу) хлебом, просом, сушёным мясом на три месяца. [...] Итак, на каждом человеке из нас была (надета) куртка, поверх неё хафтан, поверх него шуба, поверх неё войлочная шапка и бурнус, из которого видны были только два его глаза, и шаровары одинарные и другие двойные (с подкладкой), и гетры, и сапоги из кимухта

и поверх сапог другие сапоги, так что каждый из нас, когда ехал верхом на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нём» [25, с. 59].

Подарки влиятельным особам выглядели так:

«Первый из их царей и главарей, кого мы встретили, – Янал (Йынал?) младший. [...] Когда же мы прибыли в то место, в котором он находится, он сказал: „Я не допущу, чтобы вы прошли, так как это такая вещь, о которой мы не слышали совершенно, и мы не представляем себе, что она такое есть“. Тогда мы поддобрились к нему с тем, чтобы он согласился на (получение) джурджанского хафтана стоимостью в десять дирхемов и куска (материи) пай-баф, лепёшек хлеба, пригоршни изюма и ста орехов» [25, с. 62–63].

Это как раз речь о племени гуззов, где путники, как уже указывалось, подвергались опасности быть убитыми и ограбленными.

Наконец, прибыв в место назначения, послы вручили подарки царю и его супруге:

«Когда же я окончил его (письмо), его спутники рассыпали на него (царя) многочисленные дирхемы. Потом я вынул подарки, (состоявшие) из благовоний, одежд, жемчуга для его жены, и я непрерывно возлагал на него и на неё одну вещь за другой, пока мы не покончили с этим. Потом я облёк его жену в (почётный) халат в присутствии людей, в то время как она сидела рядом с ним, – таков их закон и обычай. Когда же я облёк её в халат, то женщины рассыпали на неё дирхемы, и мы удалились» [25, с. 67–68].

Для каравана, состоящего из нескольких тысяч голов лошадей и верблюдов, груз это совершенно ничтожный. Основным грузом были сами путники и их продукты, потому такой караван должен двигаться никак не медленнее 40–45 км/день, тем более что Ибн Фадлан сам подчёркивает напряжённый темп движения и описывает только одну длительную остановку в пути, связанную с недружелюбностью гуззов.

«Далее мы отправились и не переставая едем каждую ночь от полуночи до времени спуска солнца тотчас после полудня самой усиленной и напряжённой ездой, какая только бывает. Потом мы останавливаемся. Когда мы проехали пятнадцать дней, мы достигли большой горы с множеством камней, на которой источники, прорывающиеся при раскопке воды» [25, с. 60].

После благополучного ухода от гуззов караван движется без остановок. Дальше лишь бегло перечисляются значительные реки, которые они преодолевают одну за другой. Расстояние между этими реками в среднем 2–3 дня пути.

Таким образом, мы можем теперь нанести на карту условные границы минимального и максимального пути каравана (рис. 18). Эти границы и определяют зону поиска тех славян, царь которых именуется повелителем Булгара.

С одной стороны, нужно бы учесть семь дней в плену у гуззов, но ведь и рекомендации для суточных переходов делаются с учётом возможных остановок. С другой стороны, отдохнувшие животные, как уже говорилось, могут проходить существенно большее расстояние и наверстать упущенное.

Поэтому на карту нанесём умеренные значения переходов, но за все 70 дней пути. Если взять более высокие цифры из рекомендованных и попросту отбросить дни отдыха, то получим практически те же результаты.

Первое заключение, которое мы можем сделать, это то, что Спасск-Татарский не попадает в полосу поиска даже близко. В этом случае идущий налегке караван должен был двигаться медленнее, чем тяжело гружёный, даже если все дни остановок вообще исключить из расчёта.

Если бы все остальные сведения однозначно указывали на Спасск, то можно бы и закрыть глаза на неудобные детали. Можно списать неторопливость на непривычную местность, на весеннюю распутицу, как это делают другие исследователи.

Но противоречий и без того множество, чтобы так вот запросто отмахнуться от очередного. Вспомним тех же славян, которых пришлось заменять на булгар, при этом подразумевая в них татар. И археология указывает следы того посольства в районе Смоленска. А находится Смоленск действительно в полосе поиска, ближе к дальней границе, но в пределах полосы. Мы можем взглянуть на важные детали путешествия с высоты космической орбиты. Картина становится куда более наглядной (рис. 19).

Рис. 18. Маршрут Ибн Фадлана, реконструкция автора

Рис. 19. Начальная часть маршрута, реконструкция автора

На снимке мы видим местность, по которой шло посольство в первой части своего маршрута. Начинается путь в Старом Ургенче, южнее Аральского моря, сегодня почти уже пересохшего. После двух дневных переходов караван оказывается в пустыне. Далее путь идёт по плоскому плато Устюрта. Стоят ужасные морозы, временами снегопад, но подойдя к Северному Чинку, т. е. обрывистому склону, караван находит много кустарников, сушит одежды у костра и согревается. Эта часть пути занимает 10 дней. Ближайший островок растительности они могли встретить, пройдя 380 км.

В большом количестве зелень кустарников видна на расстоянии 430 км от точки старта (рис. 20). Это неплохо согласуется с данными о дневном пути легко гружёного каравана в 40–45 км.

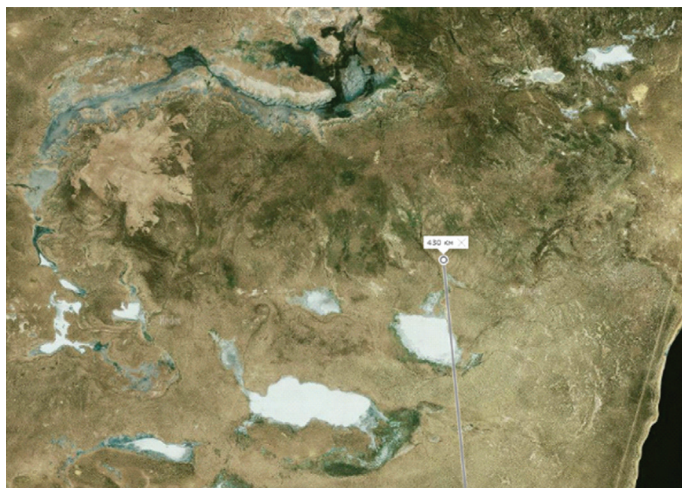

Рис. 20. Растительность у Северного Чинка

Далее караван ещё 5 дней движется самым напряжённым темпом, какой только возможен, и оказывается у некой горы с множеством камней, из-под которых пробиваются источники воды. Это несомненно Мугоджары.

После того как караван пересёк их, путешественники оказались в землях гуззов. Здесь караван задерживается на неделю, пока хозяева решают судьбу неожиданных гостей. Благополучно миновав их земли, караван подходит к реке Багнади, первой из всех названных рек – это река Урал. Люди переплывают её на мешках, а верблюды – вплавь. На противоположном берегу реки Урал действительно живут башкиры, и для защиты от их возможных нападений первым переправляется вооружённый отряд.

После восьми рек посольство встретилось с печенегами рядом с огромной рекой Джайх или Хайдж. Это река Волга, и она полностью соответствует описанию Фадлана. Переправа через неё действительно опасна и для людей, и для верблюдов.

Дальнейший путь лежит на запад, в сторону Смоленска. В тамошних лесах и болотах проживали те славяне-булгары, с которыми встречался Фадлан. Именно там он видел святилища русов, которые позже нашёл и описал Третьяков, именно там он наблюдал обряд захоронения знатного руса в кургане, который позже под номером Л-13 раскопал Авдусин.

НАДПИСЬ НА КОРЧАГЕ

Возвращаясь к Гнёздовскому кургану, следует отдельно рассмотреть вопрос о той самой корчаге, амфоре с надписью, которая стала сенсацией и оказалась самой древней кириллической надписью на нашей земле (рис. 21, 22, 23). Вот как рассказывает о той находке хранитель коллекции археологии Смоленского государственного Музея-заповедника В.В. Гараничев:

«С самого начала раскопок в Гнёздове полевого опыта набирались будущие светила археологии, и делали свои первые открытия. Так, студент Лёня Кызласов обратил внимание на какие-то знаки на черепке. Попросил не упаковывать находки, ещё раз почистил амфору-корчагу, всё пересмотрел, но надпись обнаружил лишь на одной черепке. [...] Находка состоялась благодаря любопытству юного студента Лёни [...] через годы – известного археолога, академика АН СССР Леонида Романовича Кызласова» [5].

Руководитель экспедиции Д.А. Авдусин неоднократно подчёркивал сходство раскопанного кургана Л-13 с тем захоронением, которое описывает Ибн Фадлан. Такое же сходство он усматривал и в самой надписи.

«Гнёздовская надпись удовлетворительно разрешает вопрос и о том, что это за письменность была у руссов, которые приходили Волгой к Итилю, столице Хазарского царства, в X веке. Ибн-Фадлан рассказывает, что на могиле похороненного русса была поставлена деревяшка, „написали на ней имя (этого) мужа и имя царя руссов и удалились“. Такой же столб-памятник стоял и на Гнёздовском кургане, в котором найден сосуд с надписью. Похороны русса, виденные Ибн-Фадланом, относятся к той же первой четверти X века, когда была сделана Гнёздовская надпись» [1, с. 79].

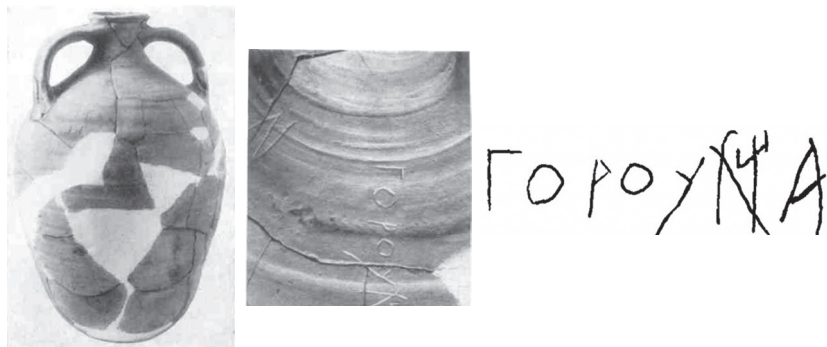

Рис. 21, 22, 23. Корчага из кургана Л-13 и её надпись

Как и положено в подобных случаях, многие специалисты предложили свою трактовку надписи. Вот суждение Гараничева:

«В 1999 году в Москве состоялась научная конференция, посвящённая пятидесятилетию работы экспедиции МГУ и находке сосуда с надписью „ГОРОУХША“. Исследователи, как и раньше, так и не пришли к единому мнению. Ведь и надпись читают по-разному.

Опытный музейщик Галия Фёдоровна Корзухина в процарапанной надписи на амфоре-корчаге насчитала шесть букв, прочла „ГОРЮЩА“ – горячее.

Надо отметить, что четвёртая, пятая и шестые буквы прочерчены не чётко, а потому руководитель археологической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова – Авдусин Даниил Антонович насчитал восемь букв и надпись прочёл как „ГОРОУХША“ (в прочтении ему помогал академик М.Н. Тихомиров). „ГОРОУХША“, значит – горчица.

Две предпоследние буквы кириллицы другой исследователь, языковед П. Черных, прочёл как „шн“. Процарапанное на амфоре слово получило другое значение: „ГОРОУШНА“ – „горчичные зёрна“.

Интересная версия прочтения надписи у чешского учёного, который прочитал её как „ГОРОУХ ПСАЛ“, то есть „Гороух писал“. Значит, сосуд принадлежал Гороуху и он оставил на нём владельческую надпись. Но имя Гороух – южнославянское, человек с таким именем выходец с Дуная, возможно, Причерноморья. Захоронен ли автор надписи в Верхнем Поднепровье, на территории Гнёздовского археологического комплекса?

Судя по погребальному инвентарю, в кургане №13 захоронен не славянин, а скандинав. Если этот купец-воин и владел письменностью, то скорее пользовался руническим письмом, а его родной язык – скандинавский» [5].

В прочтении этой надписи у специалистов возникли большие разночтения. Её читают как Гороухца, Гороунца, Гороушна и т. д. Шестой символ в тексте оказался довольно странным – это либо слившиеся буквы X и далее древнерусское Щ с очень длинным хвостом, либо X и Ш в любой последовательности, либо же N и Ш, вариантов много. Сочетание букв «оу» в древних текстах часто читается как просто «у», как, например, «по дъвою же лѣту оумре Синеоусъ и братъ его Труворъ». Вероятнее всего, здесь та же ситуация.

Трактуют надпись обычно как Горчица, Горючее либо как имя Горун. Практически все уверены в том, что в кургане захоронен некий знатный скандинав, а славянская надпись либо случайно оказалась на его посуде, либо связана с тем, что женой скандинава была славянка. Весьма интересным представляется мнение доктора исторических наук А.А. Медынцевой:

«Строго говоря, этот знак не находит близкого соответствия ни в кириллице, ни в греческом письме: необычно, как это уже отмечалось исследователями, начертание N, или X (при первом варианте прочтения) и **ѡ** тоже необычной формы, если согласиться с наличием этой буквы, не говоря уже о лигатурном прочтении. Больше всего шестой знак (именно так мы его должны воспринимать, если судить по размеру и расстоянию между буквами) напоминает некоторые тамгообразные знаки, встречающиеся в Причерноморье, однако и в них не находит полного соответствия.

Если принять во внимание, что на амфорах часто наносились знаки собственности, можно высказать ещё одно предположение. Скорее всего, на амфоре сначала был нанесён знак **Ѧ**, обозначающий собственника, и лишь затем он был включён в имя ГОРОУНА, заменив собой букву N по внешнему с ней сходству. Это предположение подтверждается более крупными размерами этого знака по сравнению с предшествующими буквами, а также одной до сих пор неопубликованной и полностью непрочитанной надписью из монастырского комплекса близ с. Равна [...].

Но больше оснований предположить, что на корчаге записано имя владельца – Горуна, Горунши. Сакральность обычая разбивать принадлежавший умершему сосуд при насыпке кургана позволяет предположить, что в кургане №13 был похоронен владелец корчаги (Горун?), воин-купец (в составе погребального инвентаря найдены и весы), ходивший в далёкие торговые экспедиции по пути „из варяг в греки“» [21, с. 187–188].

В итоге мы можем утверждать, что в кургане действительно захоронен знатный купец, ведь даже весы были найдены при нём. Фадлан подробно рассказывает, как приплывающие на кораблях русы приносят жертвы богам для успеха своей торговли. Святилища русов тоже найдены поблизости. А поскольку этот сосуд был ритуально разбит во время похорон знатной особы, и разбивался обычно самый дорогой из них, то можно не сомневаться в том, что это была не рядовая посуда со случайной надписью.

Эта надпись, несомненно, повторяет имя владельца, которое, по словам Фадлана, было вырезано и на столбе. Звучит оно очевидно как Горун. Латинская буква N не редкость в древних текстах, а вместо буквы Щ с несоразмерной средней линией здесь наверняка следует видеть тамгообразный знак власти. И, скорее всего, это знак Рюриковичей (рис. 24).

*Рис. 24. Клейма на
днищах керамических
сосудов со знаком
Рюриковичей*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь можно подытожить полученные результаты. Не осталось, по моему убеждению, никаких сомнений в том, что посольство Ибн Фадлана побывало не на Волге в районе Спасска-Татарского, а на Днепре у Гнёздово. Записка Фадлана оказалась свободна от большинства тех искажений, которые ей приписывались, исходя из ложной трактовки маршрута. Местность у Гнёздово действительно изобилует большими лесами и болотами, и обычай добывать берёзовый сок в этой местности весьма распространён. Описание рек и народов на пути следования тоже вполне соответствует реальности. Никакие переносы упомянутых в тексте народов по отношению к рекам вообще не требуются. Автор «Записки» всё изложил чётко и связно, нисколько не нарушая последовательность событий, в чём его незаслуженно упрекают. Посольство действительно посетило славян-булгар на Днепре, а не тюрков на Волге. Верховья Днепра булгары покинули после разгрома их князем Святославом, и сообщения арабских авторов об этом событии тоже соответствуют историческим реалиям.

Можно с уверенностью утверждать, что Гнёздовский курган Л-13 с двойным сожжением в лодье, в котором найдена уникальная корчага с древнейшей славянской надписью, является тем самым захоронением знатного руса, на котором лично присутствовал арабский посол Ибн Фадлан. Таким образом, у нас в распоряжении имеются результаты археологического исследования и описание очевидца события с одного и того же объекта. Надпись на корчаге – это несомненно имя знатного руса, которое по рассказам очевидца было продублировано и на деревянном столбе кургана. Существенно то, что это имя оказалось славянским.

Следует непременно отметить, что метод реконструкции маршрута путём подгонки прочтения названий топонимов в древнем тексте под заранее выбранный маршрут на реальной карте был порочен в принципе. Порочен уже потому, что сами специалисты

признают – «предлагаемое в них чтение этнонимов, топонимов, антропонимов и терминов во многих случаях является версией переводчика», а переводчик сознательно ищет то, что видит на карте. Иначе говоря, этот метод был основан на сознательном самообмане. Максимум, что можно было вынести из удачной реконструкции таким методом, это заключение о том, что древний текст среди множества других допускает и такой вариант прочтения.

Наконец, можно констатировать, что устранение этой застарелой ошибки потребует коренной ломки некоторых твёрдо устоявшихся взглядов и теорий. Такая ломка не может быть процессом лёгким и безболезненным и обязательно затронет интересы и самолюбие многих уважаемых специалистов. Однако есть все основания ожидать, что рано или поздно она всё же произойдёт.

В последнее время стала общепринятой точка зрения, что возможности нарративных источников практически исчерпаны, а сами они зачастую противоречивы и не совсем честны. Это позволяло исследователям развивать теорию без оглядки на расхождения с источниками, руководствуясь только археологическим материалом и собственной логикой. Однако многие противоречия нарративных материалов оказались надуманными, а это даёт основания ожидать, что будет-таки выстроена новая теория, с более строгим соответствием всему массиву источников. Она наверняка окажется совершеннее и интереснее.

2019 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авдусин, Д.А. Древнейшая русская надпись / Д.А. Авдусин, М.Н. Тихомиров // Журнал «Вестник Академии наук СССР». – Москва: Академия наук СССР, 1950. – №4. – С. 71–79.
2. Авдусин, Д.А. Отчёт о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 году / Д.А. Авдусин // Материалы по изучению Смоленской области. – Смоленск: Смоленское областное государственное издательство, 1952. – Выпуск 1. – С. 311–367.
3. Акимушкин, И.И. Мир животных: Рассказы о домашних животных / И.И. Акимушкин. – Москва: Молодая гвардия, 1981.
4. Бейлис, В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982 г. – Москва: Наука, 1984. – С. 208–228.
5. Гараничев, В.В. Смоленская находка 1949 года [Электронный ресурс] / В.В. Гараничев // Студенческая электронная газета «Vivat academia! SSMA-express». – Смоленск: Смоленская государственная медицинская академия, 2004. – Том 1, №2. – Режим доступа: http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/library/vivat/vivat_academia!-ssma-express-140204.htm. – Дата доступа: 28.09.2019.
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников / ред. Е.А. Мельниковой. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013.
7. Ениосова, Н.В. Гнёздово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации / Н.В. Ениосова, Т.А. Пушкина // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – С. 258–303.

8. Иванов, В.А. Кульшарипов не заблуждается, а преднамеренно лжёт [Электронный ресурс] / В.А. Иванов // «Idel. Реалии». Региональный проект «Радио Свободная Европа / Радио Свобода». – Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/28531921.html>. – Дата доступа: 28.09.2019.
9. Из «Книги драгоценных сокровищ» Абу-Али Ахмеда ибн-Омар ибн-Дада // Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). – Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1870. – С. 260–270.
10. Из «Книги путей и государств» Абуль-Касима Мухамеда, известного под прозванием Ибн-Хаукаля // Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). – Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1870. – С. 214–236.
11. Ильясов, Б.С. «Путевые записки» Ибн-Фадлана как зеркало башкиро-булгарских отношений в IX–XIII вв. / Б.С. Ильясов // Журнал «Ватандаш». – Уфа: Издательский дом «Республика Башкортостан», 2015. – Номер 1 (220). – С. 31–47.
12. Историко-культурный атлас Спасского района Республики Татарстан. – Казань: ООО «Фолиант», 2016.
13. История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.
14. Ковалевский, А.П. Башкиры в X веке по данным Ибн-Фадлана / А.П. Ковалевский // Хазарский альманах. – Москва: Российская академия наук, 2015. – Том 13. – С. 35–64.
15. Ковалевский, А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / А.П. Ковалевский. – Харьков: Харьковский государственный университет, 1956.
16. Кулешов, В.С. Письменные и нумизматические источники по истории денежного обращения в Восточной Европе в IX–XI вв.: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.09 / В.С. Кулешов. – Москва, 2018.

17. Кульшарипов, М.М. История не терпит лжи: открытое письмо башкирских историков [Электронный ресурс] / М.М. Кульшарипов, В.М. Бадретдинов // «Idel.Реалии». Региональный проект «Радио Свободная Европа / Радио Свобода». – Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/28491480.html>. – Дата доступа: 28.09.2019.
18. Ледоход в Уральске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=YhqFxmTCBN4>. – Дата доступа: 28.09.2019.
19. Ледоход на реке Урал. 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=2DryvhWkFCQ>. – Дата доступа: 28.09.2019.
20. Марьянин, Н.В. Два юбилея Трёх Озёр / Н.В. Марьянин. – Тарстан: Газета «Новая жизнь», 2012.
21. Медынцева, А.А. Надписи на амфорной керамике X – начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности / А.А. Медынцева // Культура славян и Русь. – Москва: Наука, 1998. – С. 176–195.
22. Письмо А.А. Спицина к В.Г. Тизенгаузену от 11 декабря 1900 г. – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук, фонд 52, опись 2, дело 11, лист 1 оборот.
23. Природные условия Актюбинской области. – Актобе: Управление природных ресурсов и рационального природопользования Актюбинской области, 2011.
24. Путешествие Ибн Фадлана. Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. – Москва: Издательский дом Марджани, 2016.
25. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарий. – Москва – Ленинград: Академия наук СССР, 1939.
26. Розен, В.Р. Прологомена к новому изданию Ибн-Фадлана / В.Р. Розен // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1903. – Том XV. – С. 39–73.

27. Руденко, К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.) / К.А. Руденко. – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014.
28. Ручкина, Г.А. Верблюдоводство: учебное пособие для студентов вузов / Г.А. Ручкина, Р.З. Вахитова. – Костанай: ТОО «Костанайполиграфия», 2008.
29. Смолин, В.Ф. Раскопки «Шолома» в селе Балымерах, Спасского кантона Татарской Республики в 1925 г. (краткий обзор) / В.Ф. Смолин // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казань: Казанский государственный университет, 1926. – Том 33, выпуск 2–3. – С. 113–114.
30. Стоянов, А.Н. Отчёт о раскопках древних могил и курганов в Лаишевском и Спасском уездах Казанской губернии / А.Н. Стоянов. – Общество естествоиспытателей Казанского университета. – Казань: Б. и., 1871.
31. Тизенгаузен, В.Г. В защиту Ибн-Фадлана / В.Г. Тизенгаузен // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1901. – Том XIII. – С. 024–033.
32. Третьяков, П.Н. Финно-Угры, Балты и Славяне на Днепре и Волге / П.Н. Третьяков. – Москва–Ленинград: Наука, 1966.
33. Фахрутдинов, Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии / Р.Г. Фахрутдинов. – Москва: Наука, 1984.
34. Чубрик, Н.А. Рождение Руси. Theorema Inopinatum [Электронный ресурс] / Н.А. Чубрик. – Режим доступа: <https://nikolai.chubrik.ru/theorema-inopinatum>. – Дата доступа: 28.09.2019.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Основные сведения «Записки».....	6
Трактовки и реконструкция.....	9
Реки	14
Три озера – конечная точка пути	20
Гибкость лингвистики	24
Народы	29
Гуззы	29
Башкиры	35
Булгары	38
Археология Поволжья и Гнёздово	43
Хронология пути	46
Надпись на корчаге	53
<i>Заключение</i>	57
Список использованных источников	59

16⁺

Научно-популярное издание

Чубрик Николай Аркадьевич

Ибн Фадлан.

Между Спицыным и Авдусиным

Ответственная за выпуск

М.А. Березовская

Техническое редактирование
и вёрстка

К.П. Чиндаровой

Подписано в печать 26.07.2021 г. Формат 60x84^{1/16}.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Calibri».

Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. 2,94 л. Тираж 200. Заказ № 424.

Издательское и полиграфическое исполнение ОДО «Барк».
Свидетельства о госрегистрации в качестве издателя, изготовителя
и распространителя печатных изданий

№ 1/190 от 19.02.2014 г., № 2/46 от 20.02.2014 г.,

№ 3/584 от 17.03.2014 г.

246050, г. Гомель, пр. Ленина, 3.

Тел. (0232) 50-68-73, 50-34-71.

odobark@yandex.by